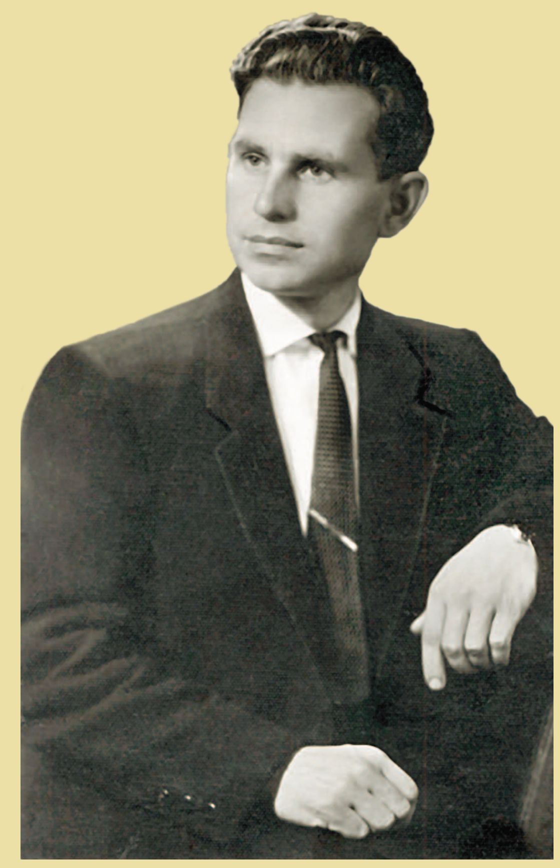
Победа — от Господа!

Некоторые из воспоминаний
председателя Совета церквей ЕХБ
Геннадия Константиновича
К Р Ю Ч К О В А
о начале служения
Инициативной группы,
Оргкомитета по созыву
Чрезвычайного всесоюзного
съезда церкви ЕХБ

Г. К. Крючков в первые годы пробуждения церкви ЕХБ

ОТ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИСТИНЫ»

Юбилейный для нашего братства 2011 год несомненно памятный: 50 лет назад Господь пробудил церковь ЕХБ в нашей стране от мертвящего сна и повёл победной поступью путём независимого служения Ему! Руководить свободным во Христе народом Бог поручил Своему рабу — Геннадию Константиновичу КРЮЧКОВУ. 20 октября 2011 года ему исполнилось бы 85 лет.

Имея великие планы избавления, Господь ищет человека, чтобы совершить через него Своё славное дело: «Искал Я у них человека, который... стал бы предо Мною в проломе...» (Иез. 22, 30), а затем готовит его для осуществления Своих намерений в нужный для Него час.

«В это время родился Моисей...» (Д. Ап. 7, 20). В какое время? Время геноцида, когда вышло царское повеление истреблять иудейских мальчиков. Именно тогда Бог предусмотрел родиться тому, через которого Он избавит Свой народ. Это был скрытый Божий промысел, о котором никто ведать не мог.

Моисея в осмолённой корзинке подобрала в водах Нила дочь фараона. Спустя много времени, когда Моисей вырос, случилось, что он вышел к братьям своим, сынам Израилевым, и увидел тяжкие работы их и что египтянин бьёт еврея, и поразил обидчика. Моисей думал, что братья поймут, что Бог его рукой даёт им освобождение. Но они не поняли. «Кто тебя поставил судьёй над нами?» — услышал он отрезвляющий вопрос. Почему так произошло? Он не имел посланничества и не был ещё готов к ответственному делу. Божий человек должен быть **совершен** и ко всякому доброму делу **приготовлен** (2 Тим. 3, 17).

Господь поместил Своего слугу на 40 лет в другую школу: «Моисей пас овец...» (Исх. 3, 1). Бог учил его истинному пастырству в Мадиамской пустыне.

«Мерзость для Египтян всякий пастух овец (Быт. 46, 34). На самое низкое место Бог поставил того, кого в неге воспитали в царских палатах, обучили всем тонкостям философской мудрости, военно-стратегическому искусству, дипломатии. Но для Божьего дела нужны другие знания. Господь повёл его в школу смирения. Моисей приобретал в пустыне терпение, веру, овладевал навыком пастырской заботы, учился полагать жизнь свою за овец, беречь их от опасности.

40-летний Моисей ждал Божьего посланничества 40 лет. Можно сказать, готовился всю жизнь (80 лет!) к тому судьбоносному моменту, когда, наделённый Божьими полномочиями, он явился пред фараоном: «Господь, Бог Евреев, послал меня сказать тебе: отпусти народ Мой...» (Исх. 7, 16). И каков результат? Если 40 лет назад к словам Моисея никто не прислушался: убил египтянина, закопал и больше ничего не смог сделать, то теперь по велению Божьему через Моисея вода превратилась в кровь по всей египетской земле; река воскишела жабами и они поползли по царским постелям и наполнили квашни фараоновой кухни. За словами верного Божьего слуги стоял Сам Бог, — вот что значит: «Я посылаю тебя!»

Прослеживая жизнь избранных Господом, мы заметим, что Божий выбор падает на них не случайно. Эти люди обладают отличительной чертой: «...ревность по доме Твоем снедает меня» (Пс. 68, 10). Так Гедеон томился вопросом: «Отчего постигло нас все это?.. Ныне оставил нас Господь...» (Суд. 6, 13). Моисей при виде тяжких работ сынов Израилевых возгорелся духом принести им избавление. Бог ищет именно таких — ревнующих о Его славе, скорбящих и воздыхающих о всех мерзостях в народе (Иез. 9, 4), и употребляет их для Своего дела.

Мы радуемся славному юбилею братства, ибо невозможно не радоваться и не благодарить Господа. Он Тот же, что и в первые тысячелетия человечества. Для нас Его чудный промысел проявился в том, что осенью 1926 года, в пору нависшей беспросветной мглы, когда на съездах братства узаконили позиции сотрудничества церкви с государством, Бог по великой Своей любви благоволил дать жизнь тому, кого предызбрал для дела пробуждения в нашей стране. Тогда никто не мог предположить, что̀ наметил в Своих планах Небесный Отец!

Придя в возраст, Геннадий Константинович не уклонился от Божьего призвания. Облечённый Божьей силой он 50 лет своего служения (включая пять лет исканий и молитв, предваряющих открытую работу Инициативной группы) сокрушал дьявольские твердыни, искоренял вековой грех сотрудничества церкви с государством и насаждал принципы независимого от мира служения.

Иногда распространяют мнение: «Зачем вспоминать имена? Только о Господе надо говорить». Вне сомнения, в первую очередь мы должны говорить о Боге, Который совершает великое и чудное. Именно так поступал Геннадий Константинович, не написав о себе ни строчки за всю свою 80-летнюю жизнь! И всё потому, что всегда и во всём стремился возвеличить и прославить возлюбленного Господа. Он никогда не позволял в восхвалительных речах публично говорить о себе, о своей семье, о своей личной жизни.

Но есть и другая сторона этого вопроса: победа над Мадианитянами досталась израильским воинам именно после клича: «Меч Господа и Гедеона!» (Суд. 7, 18). Есть две крайности. Одна — без устали повторять: «Меч Гедеона! меч Гедеона!», воздавая почесть человеку; а вторая — провозглашать: «Меч Господа! меч Господа!» — и только. Гедеон действовал не сам, с ним был Господь: «Иди... Я посылаю тебя» (Суд. 6, 14), и всё это взаимосвязано. Поэтому нам велено не забывать тех, через кого Бог действовал, и подражать их вере.

Писание учит, чтобы никакая плоть не хвалилась перед Богом (1 Кор. 1, 28—29). Но человек является плотью пока жив. А когда умрёт, он уже не плоть, а прах. Праху хвалиться нечем. Геннадию Константиновичу хвалиться нечем — он у Господа. А нам надо, взирая на кончину верных Божьих мужей, радоваться, что они были с нами, и хвалиться их верой. Апостол Павел писал: «Хвалюсь вами...» (2 Кор. 7, 4; 9, 2). И мы должны величить Бога, Который на закате человеческой истории нашёл в нашей стране угодные Ему сосуды, через которых действовал Своей могущественной силой во славу Своего святого имени.

О том, как Бог трудился над Своим избранником, какие уроки преподавал, через какую суровую школу проводил, вы прочтёте ниже. Об этом Геннадий Константинович рассказывал сам.

НУЖНА ОБЩАЯ МОЛИТВА

Кампания по массовому закрытию храмов, церквей, молитвенных домов развернулась в нашей стране ещё до 1959 года. Начиная с 1957 года, выходила серия указов: каждые полгода опубликовывали новый закон. Среди них был, например, закон об обложении налогом священнослужителей монастырей и, если таковые не оплачивались, – предусматривалось прекращение их деятельности, за исключением узкого круга культовых учреждений.

Глядя на это, я лично рассуждал так: пусть гонения идут полным ходом – они послужат к славе Божьей, лишь бы церковь была чиста! Но, если Божий народ живёт в послушании миру и не осуждает предательскую деятельность официальных служителей, – нам нужно ожидать от Бога не помощи, а жестокой кары, не защиты, а справедливого возмездия.

Основной заботой в те годы было найти путь, чтобы Божьей силой противостать развёрнутому наступлению атеизма на церковь. Сердце наполняла глубокая вера: Господь непременно сокрушит восстающих на Божий народ, но для этого с нашей стороны должны последовать конкретные угодные Ему шаги. Нужно предложить выход из создавшегося положения, каким мог стать съезд, на котором можно было совместно обсудить назревшие проблемы.

ПОИСК СТАРЦЕВ

Забота об общем деле поглощала меня полностью, я не мог от неё освободиться, да и не посмел бы: я боялся Бога, старался найти в Его Слове полноту откровений, жаждал водительства Духа Святого. Мне хотелось делать это сообща с искренними бодрствующими служителями. Я искал с ними встречи. Особенно льнул к старцам – у них устои прочные, взгляды сложившиеся, а когда убеждения соответствуют истине, что может быть лучше для Божьего дела? Другое дело, если они не согласуются с Божьей правдой. Попробуйте старика перевоспитать – безнадёжно. Поэтому, встречаясь с опытными служителями, я прежде всего стремился выяснить, как они смотрят на состояние церкви ЕХБ. Подходя беседовать с ними, делал это не с хитростью или лукавством, а с искренним желанием узнать их независимые суждения. Если видел, что у брата верные взгляды, – был готов в некоторых чертах открыть намечаемые планы. В своём роде я как бы исследовал внутренний мир братьев. Чувствуешь, болен насквозь – идёшь дальше. Вот так обстояло дело.

Подошёл и к уважаемому в Гучковской (впоследствии Дедовской) церкви служителю:

– Борис Глебович, в связи с массовыми гонениями, как вы считаете нужным вести Божье дело? Есть такие суждения, что сейчас нужно возвысить голос в защиту истины Господней, обличить беззаконие внутри церкви, а также открыто говорить о преследованиях за веру. Но есть и другое мнение: переждать. Как вы полагаете?

А он ростом выше меня, солидный такой, стоит и поверх меня куда-то смотрит:

– Что ты, дорогой брат! Сейчас нужно только затихнуть, исчезнуть. Кричать в это время – самое безумное дело. Голову снимут. Бог Сам усмотрит, как поправить дело.

Это происходило после того, как он с Алексеем Фёдоровичем Исковских рукоположил меня на пресвитерское служение в Узловской церкви. Поэтому во время этой беседы он поинтересовался:

– Ну как, брат, поживаете?

– Слава Богу! – отвечаю.

– Ну что ж, хорошо, что слава Богу. Если возникнут трудности, обращайтесь, окажем помощь.

– Что вы имеете ввиду?

– Ну, юридическую помощь, разъяснения какие-то дать...

Вот так мы побеседовали с ним. Вижу, убеждения у него прочные, он же не молодой человек. Да и вёл он себя тогда соответственно сказанному: одно собрание побудет в Дедовской незарегистрированной общине, а на другое идёт во ВСЕХБ. Расставаясь с ним я сказал: «Тогда не удивляйтесь, если увидите, что кто-то в ином, противоположном духе действует...»

Отправился я в город Горький, где жил один из старых служителей баптистского Союза, отбывший срок и не отрекшийся от Бога. Когда я в общих чертах изложил ему суть дела, он молча выслушал меня, подошёл к книжному шкафу, достал большую старинную фотографию съезда Волго-Камского Союза 30-х годов и обречённо произнёс: «Видишь, сколько их было?! Единицы остались в живых!» Пристально посмотрел на меня (в то время я был молодой и очень худой), картинно развёл в стороны руки и добавил: «Если только уже через ничто Бог будет делать Своё дело!..»

ЗАГАДОЧНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

После того как я высказал братскому совету Дедовской церкви свои рассуждения о съезде, они пошли за советом к своим старым служителям: Борису Глебовичу Глебову и Ванифатию Михайловичу Ковалькову. Василий Феодосьевич Рыжук и другие считали их старшими братьями, без них ничего не делали в церкви. Ковальков жил в одном доме с Моториным Иваном Иудовичем. Их жёны – сёстры между собой. Таким образом, Ванифатий Михайлович вместе с Бо-

рисом Глебовичем делились обо всём с Моториным, который занимал в то время пост председателя исполоргана Московской церкви ВСЕХБ. И когда они узнали нашу идею, вне сомнения, сразу отнесли её (в основном Ванифатий Михайлович) Моторину и другим служителям ВСЕХБ. Главное, они настолько испугались, что посоветовали братьям Дедовской церкви «держаться подальше от этой "чумы"». Поэтому, если спросить: знали власти о наших намерениях или нет? – думаю, могли знать, но не во всё верили. Это же происходило за целый год до начала движения, никто и мысли не допускал, что из предложенных рассуждений Божьей милостью разовьётся такое благословенное движение пробуждения.

Оно ещё не началось, а власти уже пристально наблюдали за мной. Домой я обычно возвращался в 12 или в час ночи, редко раньше. Мы тогда молитвенный дом в Родкино восстанавливали, и как раз в это время у нас были намётки инициативного движения. После работы мы постоянно задерживались в Родкино в доме Семёна Давыдовича Володина и возвращались оттуда пешком сначала вдоль посадки, а потом километра три пустынным полем. Были моменты, когда я и на мотоцикле уезжал оттуда, иногда с Лидой (женой), иногда один. Дорога там ведёт к переезду, где 3-я Узловая. В очередной раз шёл я по этому абсолютно безлюдному полю, всё казалось тихим и спокойным. Неожиданно откуда-то послышались голоса, вижу в стороне, в поле, стоит «Волга» на расстоянии приблизительно 50 метров. Мелькнул огонёк. По доносившемуся говору – одни мужчины. В этом поле днём никогда никого не бывало, а тут ночью... Что-то неладное происходит. Слышу – догоняет меня грузовик. «Может он связан с ними», – подумал я и поостерёгся, хотя тут никуда нельзя было спрятаться, тем более, если наблюдают. Помолившись, я двинулся бегом вперёд, машина ещё достаточно далеко была, и очень вероятно меня могли не видеть, хотя фары светили ярко. А дорога там ухабистая, грузовик двигался медленно. Я побежал к переезду. Пока спешил, не увидел, приостанавливалась ли машина или нет и куда повернула. Но убежать я успел. Трудно сказать, что̀ тогда происходило. Вполне возможно, меня просто могли убрать. Эти обстоятельства так и остались загадкой. Потом я другие моменты замечал. Однажды в посадке даже днём дежурила машина.

ПОЕЗДКА К ХРАПОВУ Н. П.

Спустя несколько месяцев после проведённого молодёжного общения в ноябре 1960 года (см. «Вестник истины» №5, 2011, с. 44) у меня оставалась ещё одна надежда – Храпов Николай Петрович. Именно там, в Дедовске, я услышал его проповедь, записанную на магнитофонную кассету (Василий Яковлевич Смирнов приобрёл магнитофон). Про-

поведь мне понравилась. Подумал: если человек отсидел срок и остался верным Богу, значит, можно предложить ему стать участником нашего дела. Посланий мы ещё не писали и намеревались формировать Инициативную группу с привлечением Храпова. К нему я просил поехать Павла Афанасьевича Якименкова: «Посети Николая Петровича. Я его только по слухам знаю. Говорят, хороший брат, неоднократно судимый за веру в Бога, очень умный. У тебя сейчас отпуск, поезжай...». Шёл январь 1961 года. Он поехал, они встретились, поговорили.

«Не знаю, я ему объяснил о наших делах, об Инициативной группе, о том что нужно начать общую работу. Но он, наверное, ничего не понял, да я и сам не знаю, как ему объяснить толком, – сообщил он, вернувшись. – Никакой беседы фактически не получилось. Ничего, наверное, я ему не сказал, да и не мог ничего вразумительно изъяснить. Последовательно не помню всего. Это тебе Бог такую заботу на сердце положил. Потом, когда мы разговорились, у нас вся беседа сбилась на то, как рукополагают евангельские и как баптисты – кто правее. Он настаивал на том, что рукоположение, как эстафета, передаётся ещё с апостольских времён, на нас апостольское помазание. Я не во всём мог согласиться с этим. Поезжай ты к нему. У меня с ним ничего не получилось».

Как выяснилось, ещё в начале разговора Храпов затронул вопрос о рукоположении, о помазании, что всё это передаётся наследственно, преемственно от одного к другому и во все века от дней Апостолов ни разу не прекращалось. Таким образом всё их общение сошло на обрядовое, на начатки учения, а главный вопрос: состояние Божьего дела в стране и выход из кризиса – остался в стороне.

В марте мне предоставили отпуск, и я поехал к Н. П. Храпову, но увы не застал дома: 16 марта 1961 года его арестовали. Хотел встретиться с его семьей, с женой, Елизаветой Андреевной, а мне сказали, что её тоже нет, она в роддоме. Побыл тогда у Кораблёва и поехал обратно ни с чем.

Сначала я не видел, что Бог ограждает меня. Как и мой брат Юрий не сразу мог понять: «Как это так?! За неделю до начала движения такого брата арестовали, Павла Афанасьевича! Ведь он так нужен! Почему это произошло?» А потом и он понял почему.

Делая попытки передать идеи пробуждения церкви другим, я сознавал себя очень молодым для такого дела, неопытным. Но во мне началась переориентация. Какая? Я нашёл себя в образе отрока Самуила: Господь действует в моей душе, зовёт, даёт поручения, а я – внутренне смущён и не готов. Иду, как малый Самуил, ищу священника Илия и спрашиваю: «Ты звал меня?» Передаю идеи братскому совету Дедовской церкви – они не воспринимают их, а молодёжь проводит свой «съезд», не в состоянии понять масштабы духовного бедствия, в каком находилась церковь. Еду к Н. П. Храпову – не застаю дома, его арестовали. Везде заслон. Господь отрезал меня от всех: Дедовск,

Горький, Храпов Николай Петрович... Для меня только впоследствии открылось, что Бог Своей рукой останавливает, а я всё ищу братьев-старцев. Я увидел, что Он по-другому хочет вести дело и показывает, что эту работу мне нужно начинать самому, при всех обстоятельствах слушая Его больше, нежели людей. Пришлось браться за дело. Так всё и пошло и пойдёт у каждого, если Бог кого-то избирает.

ИСКУСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Последние годы перед началом пробуждения я был очень занят церковным служением, всё свободное от работы время – собрания, поездки: искал умудренных опытом и сильных духом старцев. Мне было нелегко: семья прибавлялась, нужды росли, а зарплата оставалась та же. Иногда я мог бы что-то купить, к примеру 150 гр колбасы, но такая роскошь была, как на праздник. Обычно я брал на обед 15–20 копеек и иной раз заходил в рабочую столовую. Куплю полпорции первого, а там и смотреть не на что. Рядом со мной товарищи берут первое, второе, сметанки, водочки. А мне стыдно, что беру всего полпорции щей и кусочек хлеба. При этом всё сопровождалось шутками, насмешками. Одно дело я спиртное не употребляю, а другое дело – есть почти нечего. Почему с насмешками? Потому что знали меня как баптиста, имеющего большую семью, для них это необычно. Поэтому на обед я, как правило, не ходил. Неделю деньги собираю, хотя у самого, когда возвращался домой, от слабости голова кру́гом шла. Случалось жена говорит: всё, денег нет. А я за неделю рубль–два сэкономил, отдаю ей, можно что-то купить, продержаться до аванса или до следующей получки. Признаюсь, это меня не тяготило, я жил другими заботами, ни о чём другом не думалось, как о Божьем деле. На этом Господь тоже испытывал моё сердце.

И потом у нас много напряжённости было в церкви, в том смысле, когда милиция, дружинники приходили для разгона богослужения. В это время нельзя ни одно собрание отменить, ни на секунду сдаться. И пока я в борьбе, в напряжении, – чувствую себя превосходно. Но как только всё кончилось, собрание разошлось, ушли последние чекисты – сразу чувствовал резкую головную боль.

И тут мне на работе предложили инженерную должность. Сначала я не понял, что̀ это за жест со стороны начальства: зарплата должна увеличиться втрое, в квартире поставят телефон. Но рабочий день – не нормированный, в воскресенье я должен находиться или на работе, или дома у телефона, на случай, если произойдёт авария на шахтах, – тут же выехать. Словом, всё время привязан к работе. Цель гонителей была одна: не дать нам проводить богослужения, привязать к работе, а без служителей легче расправляться и разгонять Божий народ. Думаю: ни в коем случае! Как бы заманчиво ни выглядела воз-

можность улучшить материальное положение семьи (мы действительно жили очень скромно), но оставить церковь на растерзание я не мог и от предложения отказался.

Отказался я и от предложения родного брата строить рядом дом: «На это уйдет минимум три года, у меня денег – ни копейки: с чего начинать? Все вечера будут заняты. Вместо того чтобы поехать на дело Божье, я буду хлопотать на своём участке. Тесно, но буду жить в квартире», – решил я.

НЕ МЫ ВЫЗВАЛИ ГОНЕНИЯ

Иногда говорят, что если бы не выступление Инициативной группы, то и гонений никаких не было. Кто так рассуждает, совершенно не понимает истории, не знает настоящей правды. А она жизнью доказана. Само наше движение началось в ответ на усилившиеся гонения. Но мы выступили не потому, что нам было больно. Мы призвали к освящению, чтобы Господь вернулся в стан Своего народа. Вести войну против поднявшего голову беззакония может только сильная власть, а она у Бога. Поэтому у нас всё выстроилось в такой ряд: через освящение Господь придёт к нам и совершит Свою победу. Это – закономерность, и она лежит на поверхности. Но её надо знать, покоряться Богу день за днём, думать об этом постоянно.

Итак, преследования в те годы стремительно набирали силу. Вспомните Дедовскую церковь, там человек пять осудили; ушли в узы братья церквей Курска, Харькова, Орла и других мест. Всё это совершалось ещё до начала пробуждения. Если бы репрессии вызвали мы, то они обрушились бы только на нас. А ведь наступление шло по всему фронту. Православных сильно потрепали, у них в то время тысячи церквей закрыли. Более того, можно вспомнить другой метод борьбы, когда власти демонстрировали через таких, как Долуман, Дарманский, Осипов и других, отрекшихся от Бога преподавателей духовных академий, митрополитов, епископов, что, если сами служители отрекаются, значит они не верят ни в какого Бога. В общем, гонения испытывало каждое вероисповедание.

А то, что нам придётся больше страдать, мы это предвидели. Война против верующих всё равно бы ужесточилась, но в одном случае мы получили бы гонения и разрушение церквей, а в другом, – гонения и победу, очищение через гонения. В одном случае Бог предал бы нас в руки врагов и не помогал бы в гонениях, а в другом случае – наказывал бы восстающих и являл нам помощь. Вот в чём разница! Бог открывал нам Свою истину, и об этом мы ясно и чётко говорили. Ведь Он Бог живой и всемогущий, нам нужно лишь войти в Его волю и уразуметь, что Он действует так и не иначе. Если мы нашего земного отца знаем, каков он, по его наклонностям, не тем ли более Не-

бесного Отца? Здесь вопрос веры, упования и послушания Ему. Вера и есть послушание. Надо не только веровать, что Бог есть, но и последовательно исполнять Его волю. Готовы ли мы на это? Как назидание почти все христиане приемлют эту заповедь, а в практической жизни не поступают так на 90%. Вот почему нужно было каждый день об этом говорить, разъяснять, убеждать, напоминать, писать документы. То, что Бог совершил и совершает ныне в Своём народе, я бы назвал ЧУДО ДЕНЬ ЗА ДНЁМ, потому что воистину нескончаемое чудо то, что Господь являет нам по Своей милости! Хотя для других это цепь случайностей, иногда благополучных, а иногда неблагополучных.

ЦЕРКОВЬ БЛАГОСЛОВИЛА НА СЛУЖЕНИЕ

Гонения набирали такую силу, что в Тульской области почти повсеместно в общинах прекратились богослужения: в Новомосковске (до 1961 года Сталиногорск), в Донском, в Северном Новомосковске, в самой Туле. Даже в соседней Московской области такая ревностная церковь, как Дедовская, считавшая себя неким центром незарегистрированных общин, решила прекратить собрания в одном месте (Пушкинская, 11) и стала собираться группами по разным местам.

Тульскую общину я посещал раза два, познакомился с братьями. У них были два старца служителя, верующие считали их очень мудрыми, хорошими. А они всё мечтали: вот если бы нас зарегистрировали! Один из них ездил в Москву к Жидкову и говорил: «Наша община очень старая, у неё такая богатая история, нам бы только не нарушать законов и может быть нас зарегистрируют...» Годами ожидали регистрации. А потом, когда начались хрущевские гонения, вообще перестали собираться. Лишь одна наша община стояла твёрдо, отстаивая своё право служить Господу. Хотя это стоило многих трудов! Нас били, нам угрожали, но мы духовно процветали. Фактически Узловская церковь оставалась малым уцелевшим островком среди множества общин, растерзанных смерчем гонений. Вот тут-то мы и задумались. Покончат недруги с зарегистрированными общинами и обратят пристальный взор на нас. Бросят всех за решётку, и с организованными религиозными обществами будет покончено, сатана нанесёт ущерб всему Божьему народу.

На членском собрании (около 100 членов) я готовил церковь: «Братья и сёстры, чтобы нам выстоять, нужно со всеми святыми иметь одно сердце и именно тут проявить то единство, о котором написано: "Да будут все едино...". А сдаться всем вместе властям – такое единство никому не нужно. Христос молился: "Как Я в Тебе, и Ты во Мне..." – то есть в исполнении Божьей воли, в соединении духа с Ним – "...так и они да будут в Нас...". Значит, и нам следует таким же образом слиться воедино со всеми споспешниками истине в исполнении святой Божьей воли. Вот какое единство Спаситель ожидает от нас!»

Через небольшой промежуток времени опять оставили членское собрание. На нём речь шла уже о более определённом предложении:

– Что-то надо, братья, сёстры, конкретное делать. Нужна общая молитва, совместное противостояние, следует подготовить какое-то обращение к Божьему народу. Вы согласны, чтобы мы подключились к общей духовной работе, проводили необходимые организационные мероприятия? Важно молиться и действовать со всеми святыми, иначе и к нам придет беда.

Церковь, хотя и в гонениях, но по милости Божьей была на большом духовном подъёме и при абсолютном согласии выразила свою волю:

– Братья, наше согласие есть. Мы с радостью благословляем вас! Дай, Господь, вам мудрости и силы осуществить то, к чему Он вас побуждает. Вы у нас спрашиваете, но не нам же этим заниматься, а вам, братскому совету. Вам Бог полагает на сердце эту заботу.

– Слава Господу! Так и будем считать: вы поручаете нам заботу об общем Божьем деле.

Членское собрание в единодушии и даже со слезами закрепило своё согласие молитвой.

Учитывая обстановку, нельзя было в церкви открыто объявить, что будем приступать к созданию специальной группы по созыву съезда, иначе недруги тут же бы пресекли это святое начинание. Приходилось всё это учитывать, потому что ещё 5 лет назад я стал подвергаться вербовке КГБ и церковников. А когда Карев откровенно признался: «У нас всякое мало-мальски заметное служение связано с обязательствами», то есть «мы все агенты КГБ» – это побудило к осторожности и легло в основу того, что всё, что мы намерены делать, следует совершать, не разглашая никаким пресвитерам, никому, кроме самых близких и надёжных людей. Это стало методом подготовки Инициативной группы. Даже в своей церкви приходилось просто объяснять: «Вы согласны, братья и сёстры, чтобы мы организовали какую-то всеобщую работу, потому что мы призваны молиться со всеми святыми, стараться "о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых" (Еф. 6, 18)?»

С некоторыми братьями я предварительно разговаривал на эту тему, только всех секретов не раскрывал, чтобы не стало известно властям. В то время наш церковный совет составляли: Иван Алексеевич Афонин, Семен Давыдович Володин (хозяин дома), Павел Дорофеевич Голощапов, Вася Морозов. А Павел Афанасьевич Якименков не состоял в нашем братском совете: за год до начала движения он перешёл из Узловской в Новомосковскую общину. Она была духовно разбита, и он пытался наладить в ней работу. Там его и рукоположили.

Собрались мы после членского собрания церковным советом. Говорю: «Братья, поскольку церковь доверила нам заботиться о Божьем народе, давайте решать кто и как будет это делать?»

Павел Дорофеевич откликнулся сразу: «Правильно, братья! Предпринимать что-то нужно, но ведь этим же вам заниматься, не нам. Мы, если нужно, всегда готовы поддержать, а так, какие мы работники? Вот вы, брат Геннадий, ну Иван Алексеевич, и занимайтесь».

В то время Иван Алексеевич Афонин только вернулся в церковь из отпадения, Юрий Крючков, мой родной брат, стал первые проповеди говорить. Но братский совет был весь единодушен.

А разглашать о предпринимаемом деле не приходилось, потому что будешь много высказывать – быстро всё долетит до Москвы. Вся работа шла секретно. Бог дал так, что мы тайно сумели всё приготовить, без шума развернуть работу, не привлекая к себе лишнего внимания.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПРОКОФЬЕВЫМ А. Ф.

Знакомство наше состоялось в июне 1961 года на второй день Троицы. Не помню точно на какую квартиру, но приехал он сначала в Новомосковск. Туда его привёз Афанасий Иванович Якименков (отец Павла Афанасьевича, живший в деревне Десне в 20 км от Москвы). До этого никто из местных братьев и членов церкви Прокофьева не знал и не видел. Алексей Фёдорович был тогда разъездным нелегальным проповедником. На него завели уголовное дело за совершённое им крещение, после которого крещаемая якобы заболела. Он скрылся и посещал отдельных верующих и церкви не только Донецкой области, где жил, но и многие другие места. И когда приехал в Десну, Афанасий Иванович говорит ему: «Что мы?! Вот есть молодые братья, такие соколы, орлы! – мой сын Павел в Новомосковске, Геннадий в Узловой. Тебе надо обязательно с ними увидеться». Так Алексей Фёдорович оказался в наших краях.

Прокофьеву как гостю предложили сказать в церкви слово. Остался в памяти рассказанный им стих, один из куплетов которого:

Хочу одно! Одно хочу:
Гореть, сгорать, сгореть!
Тогда орлом я полечу и раны ближним залечу —
Ах, так бы умереть!

Продекламировал с выражением, с чувством. Высказал некоторые мысли о том, что надо стоять в истине. Рассказал о своих взглядах. Так прошло наше знакомство. Видим, брат производит впечатление человека ревностного, искреннего. Пригласили его на богослужение в Узловую. Там он тоже проповедовал, потом собрался уезжать. Услышав его пламенную проповедь, увидев в нём человека горящего ду-

хом, я переговорил с Павлом Афанасьевичем: «Павел, нам всё равно вскоре придётся выходить на открытое служение и нам нужно будет много братьев, ведь мы собираемся рассылать Послания по всей стране. Может, поставим его в известность? Без поддержки других искренних верующих нам не обойтись». Прокофьев оживился: «Братья, я готов!» и с огромным желанием подключился к проводимой нами работе.

Ко времени приезда Алексея Фёдоровича в Узловую работа по подготовке призыва к Всесоюзному съезду церкви ЕХБ велась полным ходом. Получив в апреле принципиальное согласие церкви и её благословение на святое дело, братья в свободное от работы время собирались в Родкино в доме Володина Семёна Давыдовича и проделали за это время огромную работу: уже было написано Послание работникам официального ВСЕХБ (я писал его сам), составлены основные наброски Послания к церкви. Поделились с Алексеем Фёдоровичем нашими планами: «Предстоит ещё изложить в обращении к верующим вот то и то, поработать над этим и этим».

Он сразу предложил: «Я могу помочь». Поэтому Послание к церкви мы дорабатывали с участием Прокофьева. Он стал переписывать наши наброски, добавлять свои и очень «рогатую» вещь представил. Посмотрели, говорим: «Придётся резать, по куску отпиливать». Раз переделали, второй. Потом всё совместили, так продвигалась наша работа.

Алексей Фёдорович говорил мне тогда: «Откуда ты всё это берёшь: Инициативная группа, Оргкомитет, съезд? Где ты всему этому учился? Для меня существует только Библия и больше ничего не надо». Отвечаю: «Нужно знать законы страны и, чтобы защищаться от юристов-лжесловесников, следует самим быть не меньше этих юристов, знать не только Слово Божье. Мы же не скажем: "Пустите нас в трамвай бесплатно, мы едем с Библией". Нам резонно укажут: "Билетик возьмите". На работе нам нужен паспорт. Мы же живём в обществе, в котором существуют свои законы. Вот даже по Библии надлежит платить подати. Но ведь подати долларом не заплатишь – динарий нужен. Значит, в каждое время свои меры, свои нормы. А сегодня как мы Божьему народу объясним, что отныне мы хозяева положения в церкви, мы лучше ВСЕХБ и Богом поставлены? Нас спросят: "А вы с братьями побеседовали, с церквами посоветовались?" А как собраться для решения назревших вопросов? – Нужен съезд. Кому взяться за его созыв? – Должны быть какие-то инициаторы. Это же законно, именно так поступают во всех подобных случаях. А затем, если уж ВСЕХБ отказался, Инициативная группа преобразовывается в Оргкомитет по подготовке съезда, и когда он соберёт более 2/3 представителей, то прежнее руководство должно быть распущено и все решения такого съезда будут абсолютно верны. Нужно идти этим путём? – Нужно».

Вот так приходилось объяснять Алексею Фёдоровичу наши шаги. Но заметно было, что всё это трудно воспринималось.

ЮРИЙ КРЮЧКОВ О СОБЫТИЯХ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ОТКРЫТОЙ РАБОТЕ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ

Помню, шли мы с Геннадием в Родкино и он поделился своими сокровенными мыслями: «Сейчас положение в церквах – кризисное... Надо что-то предпринимать...» Тогда по общинам ВСЕХБ разослали «Инструктивное письмо старшим пресвитерам» и «Положение о Союзе ЕХБ в СССР», но мы не знали о существовании этих документов. Они действовали в церквах и вызывали бурную реакцию: если кто-то возражал – их судили. Сумеют кого-то из несогласных запугать – они замолчат, а если не замолчат – получали срок. Ни в одной церкви нельзя было поднять головы, тут же предавали свои служители, расставленные по церквам уполномоченным и ВСЕХБ. Прошло некоторое время, Геннадий приходит ко мне с Павлом Афанасьевичем. Мы стояли в комнатке, и он спросил: «Ты помнишь наш разговор по дороге о положении церкви?» – «Помню». – «Мы решили обратиться с воззванием ко всем верующим, чтобы церкви объединились и противостали злу...» Дух во мне возликовал: «Конечно я "за"! Всей душой поддерживаю эту идею. Только мы не можем обратиться сразу к Божьему народу. Нужно соблюсти порядок и обратиться сначала ко ВСЕХБ, чтобы мы имели и моральное, и юридическое право на дальнейшие действия».

Павел Афанасьевич стал противоречить: «Да им уже сколько раз говорили! Их и обличали, им и указывали. Это всё бесполезно...» Геннадий ничего не говорил, возможно, у него это уже было в плане. Во всяком случае, вскоре мы приступили писать «Первое послание» к церкви. Каждый день собирались в Родкино, рассуждали, подправляли, добавляли, молились. Обращение ко ВСЕХБ Геннадий писал сам.

После того как молодёжь Дедовской церкви провела осенью 1960 года всесоюзное совещание, оно стало как бы отвлекающим манёвром, хотя мы никакого манёвра не планировали. Лишь потом, сопоставляя факты, убедились, что, узнав обо всём, власти посчитали эту церковь самой активной и подвергли её особому нажиму. А мы в это время тайно готовили Послания.

Когда работа над Посланиями была в самом разгаре, вдруг приезжает к нам отец Павла Афанасьевича Якименкова – Афанасий Иванович вместе с Прокофьевым. Лично я тогда сильно испугался, подумал: «Кого он привёз? Неужели КГБ узнал, что мы Послания пишем?» Для нас Прокофьев был совершенно неизвестен. Он посещал кого-то из знакомых под Москвой, Афанасий Иванович увидел его, он ему показался очень хорошим служителем, вот и решил привезти хорошего брата к нам.

Тогда Прокофьева попросили: «Ты свободен, не работаешь (он остановился на посёлке у Захаровых), перепиши написанное начисто, а завтра мы опять придём». Он переписал. Когда же стали проверять, видим, и одно нужно исправить, и другое подкорректировать. Ещё раз попросили Алексея Фёдоровича переписать. Также и на следующий день. Он не выдержал: «Я не мальчик вам по несколько раз переписывать! Нужно не переписывать, а действовать, а вы тут с письмами запутались... Не буду больше переписывать, я человек дела!» Но потом всё-таки согласился, работал снова. На другой день просил прощение: «Братья, простите. Я вчера погорячился... Сравниваю письма, там действительно допущены существенные ошибки, их нужно исправить» и т. д.

ПОСЛАНИЯ НАПИСАНЫ

Когда Послания были закончены, встала проблема распространения их по церквам. Мой брат Юрий предлагал, чтобы каждый читающий чувствовал на себе ответственность написать ещё два-три экземпляра и передать другим, а другие – ещё два-три, и таким образом сделать Послания достоянием верующих. Это сейчас всё просто осуществить, а тогда составляло большую сложность. Но Прокофьев оказал в то время хорошую услугу: «За распространение, братья, не беспокойтесь. Сколько нужно: тысяча, две – я отпечатаю и привезу. У нас есть в Харькове люди, которые всё сделают». Стали спрашивать: «Что за печать? Какая?» Он пояснял: «Её не отличишь: как написан первый экземпляр, так и остальные напечатаются...»

Взял Послания и уехал в Харьков. Копия осталась у нас, тоже написанная от руки. Её мы спрятали. Тогда я жил рядом с Узловой на посёлке Дубовка в многоквартирном доме по улице Щербакова. Во дворе дома стояли общие, под одной крышей, сарайчики жильцов. Между листами шифера я и положил Послания: если в Харькове оригинал арестуют, – мы распространим резервный экземпляр.

2005 год. Г. К. Крючков у сарая, под шифером которого он прятал копию оригинала Посланий Инициативной группы ВСЕХБ и церкви

ПОСЕЩЕНИЕ КАРЕВА А. В.

Начиная столь ответственное служение, мы не желали, чтобы движение застало служителей ВСЕХБ врасплох. Примерно за месяц до вручения первого документа Инициативной группы Президиуму ВСЕХБ, всё ещё питая надежды, что общая волна намечаемого пробуждения может побудить ответственных работников ВСЕХБ к покаянию и восстановлению принципов евангельского учения, пришлось посетить канцелярию ВСЕХБ и в беседе с Каревым сказать: «Александр Васильевич, есть определённый круг братьев, имеющих от Бога побуждение начать действовать по определённой программе. Мы не хотим, чтобы это стало для вас неожиданностью, но желаем, чтобы вы приобщились к святому делу. Вы – человек с мировым именем и большим влиянием, и не для сего ли самого достигли царского достоинства, чтобы в это время и вам возвысить голос в защиту истины Божьей и Его народа?»

Он ответил: «Брат дорогой! Поймите, я не могу этого сделать. Да и вообще всё бесполезно. Сейчас абсолютно ничего невозможно! Наша система многоярусна. Каждая должность многократно зарезервирована. Если я выступлю, – завтра же остальным работникам ВСЕХБ дадут провести совещание, и будь то Андреев (в то время старший пресвитер по Украине) или кто-то другой – меня обвинят в клевете, его все единодушно поддержат, и меня уберут. А на моё место поставят другого, который поведёт дело так же или ещё хуже».

– А как же, с вашей точки зрения, вообще возможно исправить создавшееся положение в церкви?

– Теперь ничего не сделаешь. В своё время мы дали надеть на себя петлю, а теперь затягиваемся с каждым днём всё туже.

Я не открыл ему тогда ни даты, ни количества людей.

ДОПИСАННАЯ СТРАНИЦА

К Кареву я ходил один. Алексей Фёдорович отсутствовал, отправившись в Харьков размножать на гектографе («синькой») Первое послание Инициативной группы к церквам ЕХБ вместе с Посланием работникам ВСЕХБ. Его не было около двух месяцев. Юрия одолевали сомнения: не в КГБ ли передано письмо? Мы же очень мало Прокофьева знали. Наконец он приехал, но не один, а с Борисом Здоровцом. Этого человека мы видели впервые: высокий, с сумкой на увечной руке (ещё подростком он лишился кисти). Несколько тысяч отпечатанных ими Посланий они привезли в мешках.

Прибыв, Алексей Фёдорович сразу лёг отдыхать. Интересуюсь у Здоровца: «Ни одного Послания не оставили? Никто ничего не зна-

ет?» Потому что пока вопрос ВСЕХБ не решён, никого нельзя было ставить в известность; никто не должен был знать наших планов, чтобы власти раньше времени не распознали фактор одновременности распространения Посланий. «Нет-нет!», – заверил он.

Но что-то, видимо, они всё же оставили. Однако я утешился тем, что события разворачивались стремительно, мы не намеревались медлить, поэтому никто не успел бы что-то недоброе предпринять.

Как оказалось, Здоровец приготовил нам жало в пяту. Поставил около себя стопу привезённых бумаг и заявил: «Я решил, братья, так: если вы меня "купите", то я полностью с вами; если нет, – забираю всё и возвращаюсь в Харьков».

Читаю отпечатанное им Послание. И что же? «Синькой« у них получилось семь страниц, и одна из них оставалась чистая.

– Я дописал страницу, чтобы не пустовала, – и смотрит на меня испытующе.

А дописанное перечёркивало всё сказанное в Послании. Например, в своём тексте Здоровец ставил в вину, что «ссора происходит там, где каждый считает себя правым»; утверждал, что «мы тоже согрешили» и «не можем никого судить», ибо «когда явится Господь и осветит сокрытое во мраке, тогда будет ясно, ктò в какой мере виновен в бедствии, постигшем народ Божий в нашей стране» и тому подобное.

– Как вы могли так поступить?! Мы же «аминь» сказали на всё написанное! Молились, постились, пока готовили текст, и приняли решение ни слова, ни буквы не изменять!..

Алексей Фёдорович пожимает плечами:

– Я Бореньке говорил... Но он так захотел.

В той ситуации невозможно было обойтись без категорического тона:

– Будем стирать ни с кем не согласованный текст!

А Борис сидит, улыбается: «Попробуйте стирать... Ничего не получится! Синька!»

– Всё самостоятельно дописанное будем стирать и восстанавливать то, в чём благословил нас Господь! Если мы так начинаем работу, ещё, по сути, её не начав, то у нас всё пойдёт не в лад. Будем стирать!

Поручил доверенным молодым друзьям нашей церкви: «Найдите, где возможно, хлорную известь и разведённым хлорным «молочком» быстро, чтобы обратная сторона не успела промокнуть, полусухим тампоном стирайте не соответствующий духу Посланий текст и раскладывайте страницу за страницей, чтобы просыхали».

Работа закипела: комнаты, как гирляндами, увешали страницами с удалённым текстом! Первая партия просохнет – вторую, третью развешивали, пока всё не исправили. Затем развезли по городам и предупредили: «Если нас после посещения ВСЕХБ арестуют, сразу рассылайте Послания по всем церквам. Если же ВСЕХБ даст согласие на проведение съезда, тогда мы дадим сигнал, как поступать дальше».

КОМУ ПОДПИСАТЬ ПОСЛАНИЯ?

12 августа 1961 г. Суббота

В подмосковной Десне в доме Якименкова Афанасия Ивановича за день до вручения Послания работникам ВСЕХБ должно было пройти расширенное совещание Инициативной группы. Впервые со дня её образования планировалось поставить в известность о всём намечаемом круг доверенных служителей из других мест. Главное для чего приглашали братьев – решить вопрос подписи под Посланиями. Об анонимном обращении не могло быть и речи. Тайно, без подписей посылать серьёзные обличительные письма – бессмысленно, такие бумаги ущербны и не приносят пользы. Под документами в обязательном порядке должны стоять минимум две подписи. Почему? Одна подпись недействительна, так как «при устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово» (2 Кор. 13, 1). Трёх человек жаль выявлять перед властями, а две подписи – самый оптимальный вариант: моя и ещё одного брата.

Причём так: подпись Алексея Фёдоровича никак не планировалась по той причине, что служители должны «иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нарекание...» (1 Тим. 3, 7). А он, будучи неверующим, отбыл срок по политической 58 статье (обратился к Господу в заключении), и это обстоятельство дало бы повод обвинить всё движение: «Посмотрите, кто поднялся против существующих законов! Люди, давно недовольные советской властью, они уже несли за это наказание!»

Рассматривалась кандидатура Павла Афанасьевича Якименкова, но мы исходили из того, что лучше подписать Послание служителям церквей разных территорий, а мы с ним хотя и были пресвитерами не одной церкви (я – в Узловой, он – в Новомосковске), но фактически представляли одну местность. К тому же, за неделю до начала движения Павла Афанасьевича арестовали, и этот вопрос вообще отпал.

В основном мы делали ставку на подпись Алексея Евгениевича Ляшенко из посёлка Ковяги Харьковской области. Прокофьев характеризовал его очень с положительной стороны: инженер, человек разумный, активно занимается с молодёжью, противодействует отступлению ВСЕХБ; в связи с гонениями уволен с инженерной должности и работает кочегаром. Прокофьев уверял, что Алексей Евгениевич согласится подписать наш документ. За ним послали, но, как оказалось, Ляшенко категорически отказался: «Если в этом движении участвует Алексей Фёдорович, – ничего доброго не получится».

Прошёл день, наступил вечер, а никого нет. Мы ожидали людей из Выксы (старца Рунова и других) – ни один не приехал. Должен прибыть Сёмкин А. П. из Смоленска (кандидат в областные пресвитера,

который впоследствии, ко времени выхода Второго послания к церкви ЕХБ, передал нам документы ВСЕХБ «Инструктивное письмо» и «Положение», и мы смогли с ними ознакомиться). Он тоже не приехал. Ожидали Николая Ермолова из Ферганы – не приехал.

М. Хорев. 1961 г.

Вообще предполагалось присутствие не менее 10 человек братьев-служителей, а пришли: Алексей Фёдорович, я и Михаил Хорев. Его привёз из Ленинграда Прокофьев. Смотрю, незнакомый мне молодой человек. Он тогда не был служителем. А нам предстояло на следующий день, в воскресенье, идти во ВСЕХБ. Вот такая ситуация сложилась. Да, был ещё с нами Иван Алексеевич Афонин, очень ревностный брат, которому наша церковь поручила участвовать в Инициативной группе, он работал в подготовке Послания, но не был рукоположен.

Медлить нельзя: Послания отпечатаны, любая задержка может обернуться нежелательными последствиями. Другого выбора не оставалось. Говорю:

– Тогда, Алексей Фёдорович, придётся вам ставить подпись.

– Я на «блюдечке»! Я готов! – он ответил молниеносно, не задумываясь.

ВРУЧЕНИЕ ПОСЛАНИЯ РАБОТНИКАМ ВСЕХБ.

13 августа 1961 г. Воскресенье

Утреннее богослужение во ВСЕХБ начиналось в 10 часов, а в 12 заканчивалось. Надо было иметь в виду, что из Десны до Москвы ехать как минимум час–полтора. Вдвоём с Алексеем Фёдоровичем мы отправились чуть раньше, чтобы Карев, Жидков не уехали. С собой мы не взяли обращения ко ВСЕХБ, потому что Яша Якименков (живущий в Десне брат Павла Афанасьевича), должен был его начисто переписать, он имел хороший разборчивый почерк. А Михаилу Хореву поручили привезти переписанный документ нам. Стои́м с Алексеем Фёдоровичем на Покровском бульваре, дежурим. Собрание должно вот-вот закончиться, верующие начнут расходиться, а гонца с Посланием всё нет и нет.

Увидел нас Ванифатий Михайлович Ковальков: «Вы куда, братья?» Говорим ему: «Вы, наверное, знаете... У нас дела во ВСЕХБ». По дошедшим слухам он, вероятно, уже знал что-то, настороже был:

– Напрасно, напрасно вы туда идёте. Вы что̀, думаете это поможет?

– А вы как считаете, это будет писк комара?

Он стал убеждать: «Это ничего не даст! Вы можете вообще оттуда не выйти, потому что эти Жидковы, Каревы – церковные чеки-

сты!» Видимо, хотел нас удержать от предпринимаемого шага; считал за лучшее своим как бы добрым советом остановить нас на полпути.

– Мы будем делать то, что Бог положил нам на сердце, мы должны проявлять Ему послушание, а остальное предадим в Его Отцовские руки.

В это время нам подвезли начисто переписанный документ. Прямо на Покровском бульваре, на скамейке, в прямом смысле на коленке, поставили две подписи и поспешили в Маловузовский переулок, к молитвенному дому, чтобы Карев и Жидков не ушли. Узнав, что у нас есть слово к руководителям ВСЕХБ, Карев сразу предложил: «Может, я с вами тут побеседую?» (Под кафедрой у них есть такая небольшая укромная комнатка.) Отвечаем: «Нет, нужно, чтобы обязательно был Яков Иванович Жидков».

Он пришёл, мы представились. Я предложил помолиться, совершил молитву. Начали беседу. Говорю:

«Братья, вы знаете, в каком состоянии находится сейчас братство: как закрываются общины, как совершенно без присмотра остаются незарегистрированные общины, как давно покончен вопрос с молодёжью, как широко разворачиваются репрессии, налицо неустройство в церквах, давление извне. Всё это вам хорошо известно. Причина происходящего тоже не сокрыта, потому что Слово Божье не оставляет нас без ответа. Мы имеем дело со всемогущим Богом. И нам никак нельзя свалить вину на кого-то, что, мол, по причине внешних обстоятельств всё так плохо. Пусть огромной волной накатывают репрессии, но все беды, все причины поражения лежат на самой церкви. В связи с этим мы, определённая группа братьев, имеем определённую программу и делаем вам несколько предложений, отражённых в документе, который я прошу Алексея Фёдоровича сейчас зачитать».

Он зачитал громко, внятно, хорошо. Это было Первое послание Инициативной группы Президиуму ВСЕХБ. В нём мы призвали их дать согласие на созыв съезда, чтобы вместе предстать перед Богом, попросить прощение за всё, что сделано в братстве не так, и на основании Слова Божьего, под руководством Духа Святого выработать дальнейшие пути выхода из кризиса.

Они сначала оторопели. С минуту молчали. После некоторого замешательства Александр Васильевич как поднялся: «Вы что̀, братья, с луны свалились?! Вы не видите в какое время мы живем?!»

Жидков за ним: «Они подпрыгнули выше Гагарина и Титова!» (К этому времени в апреле 1961 года в космосе побывал Юрий Гагарин, а в августе на корабле «Восток-2» Герман Титов).

Прокофьев не выдержал: «Выше! Выше!»

Мы вручили им наше Послание работникам ВСЕХБ и вновь напомнили, что причина кризиса церкви кроется в их отступлении. Убеждали изменить отношение к Богу. Они не дали нам никакого ответа.

Мы ушли. Вышли на Покровский бульвар. Здесь нас ожидал Михаил Хорев. Направляясь во ВСЕХБ, мы считали, что можем не выйти оттуда, поэтому он мог быть свидетелем нашего ареста и рассказать о случившемся. Братьев заранее предупредили: «Если это "чрево" ВСЕХБ и КГБ поглотит нас, подождите недели две. Увидите, что нас не отпускают, – рассылайте заранее заготовленное Послание ко всей церкви и продолжайте с молитвой действовать. Бог даст победу!»

В этот день у нас был пост. Из сквера мы направились в столовую, расположенную в Казарменном переулке, недалеко от ВСЕХБ, на противоположной стороне Покровского бульвара. Помолились, поблагодарили Бога, сели за стол. Алексей Фёдорович радовался, как ребёнок: «Всё, победа, победа!» Это происходило 13 августа 1961 года.

АВГУСТ 1961 ГОД

Звонок А. В. Кареву

Прошло около двух недель с того дня, как 13 августа 1961 года я и А. Ф. Прокофьев зачитали и вручили Я. И. Жидкову и А. В. Кареву Послание Инициативной группы, адресованное работникам ВСЕХБ. Всё это время мы ожидали от них ответа на наше предложение о созыве съезда церкви ЕХБ. Но они безмолвствовали. 23 августа 1961 года я позвонил Кареву:

– Александр Васильевич! Что вы можете ответить на наше предложение в отношении съезда? Мы хотим узнать, каков результат обсуждения нашего Послания в Президиуме ВСЕХБ.

– Пока, брат, мы ничего сказать вам не можем. Мы направили запрос в Совет по делам религиозных культов.

– А в Президиуме у вас есть какое-либо независимое от Совета по ДРК решение? Каково ваше отношение к съезду как духовного центра, как служителей, несущих главную ответственность перед Богом?

– Знаете, дорогой брат, мы самостоятельно не можем решать эти вопросы, а тех, от кого это зависит в Совете по делам религиозных культов, сейчас нет: одни разъехались в командировки, другие – в отпуске. Время как раз такое...

Я принял это за сигнал, что нужно как можно решительней действовать, идти уверенной поступью, чтобы враг нас не отвлекал, не расшатал. Я ему ничего другого не сказал, как: «Ну, хорошо, Александр Васильевич, я сообщу об этом Инициативной группе, и мы будем делать соответствующие выводы».

Разумеется, мы видели, что пошли проволóчки. ВСЕХБ как духовный центр не намерен был отвечать нам. Это говорило о многом. Одно дело иметь свой, избранный после обсуждения, путь действий и на-

чать ходатайство о съезде, учитывая прежде всего интересы церкви, а другое дело, не имея собственного мнения и не желая отстаивать Божью истину, идти за решением к тем, кто ведёт борьбу с церковью. Намеренное медление с их стороны было на руку им, но не общему делу. И тогда от имени Инициативной группы мы отправили заявление о съезде в правительство, а также сообщили на места повсеместно распространить Первое послание Инициативной группы к церкви ЕХБ от 23 августа 1961 года (вместе с Посланием Президиуму ВСЕХБ от 13 августа 1961 года).

Что заставило поторопиться не только с распространением Посланий, но и вообще с образованием Инициативной группы? Пока я размышлял над всем услышанным и происходящим (после признания Карева в 1956 году, что в служении Богу нельзя сделать и шага без спецслужб), больших гонений ещё не наблюдалось. Но они набирали силу. Основная масса указов, закрытие церквей, молитвенных домов, храмов – всё это развернулось к 1959 году. Тогда целый законодательный процесс был подключён к борьбе с религией. Когда же репрессии стали поджимать так, что многие общины прекратили собираться, – времени для раздумий не оставалось. В мае 1961 года опубликовали Указ о тунеядцах, по которому сплошным потоком отправляли в заключение верующих прямо от станка.

В то время я рассуждал примерно так: если у нас верные отношения с Богом – ничто не повредит Его искупленным! Но когда мы в отступничестве, разделяем точку зрения ВСЕХБ, нарушаем заповеди Христа, – тогда нечего ждать помощи от Бога. Это же методология всего процесса! Только в такой последовательности нужно было рассматривать окружающую нас действительность и поступать так и не иначе. Вот почему приходилось спешить с образованием Инициативной группы. Я устал искать, предлагать. Ведь ещё в 1958 году я открыл свои сокровенные мысли о съезде Якименкову Павлу Афанасьевичу, – он не поддержал, остановил меня. В 1960 году предложил эти идеи Дедовским служителям, а их возраст был намного старше моего, и жизненный опыт богаче, однако они устрашились подобных предложений. А моя основная забота была такая: силой Божьей дать бой развернувшемуся наступлению атеизма на церковь, чтобы обязательно Господь их сокрушил. Я чаял очищения Божьего народа, чтобы твёрдо стоять в истине, противостать указаниям прекратить богослужения, не крестить молодёжь, не пускать детей на собрания. Мы ставили заслон «Инструктивному письму» и «Положению о Союзе» ВСЕХБ, давали бой вмешательству безбожников в дела церкви, стремились во что бы то ни стало исполнять заповеди Христа! Но всему этому должно предшествовать законное обличение уклонившихся от истины служителей, предложение выхода из состояния кризиса и, если они не согласятся, только тогда действовать самостоятельно. Это же стратегия, у которой нет дру-

гого выхода. Вот что служило для нас главной движущей силой, но никак не страх перед гонениями, хотя всю тяжесть преследований мы взяли на себя и несли её почти 30 лет. Победу Господь помог одержать. Слава Ему!

У прокурора

За несколько дней до моей поездки в Москву на встречу с братьями подписать Послание и вручить его Президиуму ВСЕХБ, меня вызвал прокурор и предупредил, чтобы мы прекратили собрания, иначе меня привлекут к ответственности за тунеядство по принятому в мае 1961 года специальному Указу. В то время они располагали секретным приложением к этому Указу, тайными инструкциями о его применении.

– Текст Указа я прочитал в газете. Там вовсе не предусмотрено арестовывать нас. Он не распространяется на верующих, – заметил я.

– Мы вас и спрашивать не будем! Осудим как тунеядца, и весь разговор.

– Прямо от станка, от сохи, как говорится, вы арестуете и будете судить?! Какой же я тунеядец?!

– Это неважно! У нас есть Указ!

– Сомневаюсь, что вы имеете такое право...

Мои настойчивые возражения спровоцировали его признать, что он располагает секретными инструкциями о порядке применения майского Указа. Эти тайные «Инструкции» были хуже, чем сам Указ. Потому что для народа открыто не напишешь то, что в нём действительно заложено. Очень секретный документ. И он стал зачитывать мне: «Под действие части I Указа попадают лица, занимающиеся попрошайничеством, бродяжничеством, живущие на нетрудовые доходы, не несущие общественно-полезного труда...» И после такого подробного перечня следовало продолжение: «...блудницы (в Указе это слово приведено по-латыни), руководители незарегистрированных нелегально действующих общин...»

– И вы не покраснели, читая эту вещь? Вас нисколько не смущает, что священнослужители поставлены в один ряд с блудницами? – возмутился я. Он помялся:

– Ну, тут через запятую написано.

– Крупная граница!

– Однако мы предупреждаем вас: если не прекратите проводить собрания, – считайте, всё! Будете лишены свободы как тунеядец.

Потом, когда движение набрало силу, они спрятали все эти «Инструкции», да и Указы отменили. Но тогда я вынудил прокурора зачитать мне то, что тщательно скрывалось от общественности.

Последнее предупреждение

Прошло 10 дней после того, как верующим по всей стране разослали Первое послание к церкви, под которым стояла моя подпись

и Алексея Фёдоровича. Я продолжал работать на производстве. Да и не собирался уходить из дому, ждал ареста. Для себя я не видел никакого другого исхода и не готовился к жизни на свободе. Понимал, что непременно попаду в тюрьму, – ведь разгул гонений нарастал. Считал, что, поскольку в Первом послании изложено главное, братья-старцы, отсидевшие срок, духовно зрелые, имеющие опыт и управляемые Богом, ознакомившись с призывом, отзовутся, поднимутся во весь рост и поведут Божий народ по пути святости. Не мог я и мысли допустить, что кто-то хочет сдаться, отступить, пренебречь путём верного хождения перед Богом. Таким было моё ви́дение из моего уголка. Я был молод, мне не исполнилось ещё и 35 лет. Но мои представления не совпали с Божьим планом.

А в это время вокруг меня сгущались тучи. Вновь вызвал прокурор. Видимо, из Москвы поступило распоряжение. Пришлось, оставив работу, идти на вызов. Он разговаривал, будто ничего не знает о Посланиях, и строго предупредил: «Если на следующий раз вы проведёте собрание в Родкино, то считайте, что по майскому Указу вы сразу будете лишены свободы!» И срок определил: «Учтите, если до 25 августа вы ещё раз проведёте собрание, – пеняйте на себя! Мы предупредили вас окончательно! Это вам последний шанс».

Просьба о 3-дневном отгуле

Послания пошли, всё говорило о моём скором аресте, а я никому не передал дело... Что предпринять? Собрал все ценные бумаги, чтобы перепоручить дело другим, так как понимал, что Алексей Федорович один не справится. Вспомнил о Ванине Михаиле Васильевиче, близком друге моего отца ещё со времён их юности. Отец рекомендовал мне его как очень хорошего брата, с высшим образованием; за верность Богу он отсидел 25-летний срок, понимает ктò такой ВСЕХБ. Ванин считался хорошим другом И. В. Каргеля и даже после его смерти дописывал одну из его неоконченных брошюр. Это свидетельствует о том, что Ванин был одного духа с Иваном Вениаминовичем и как друзья они одинаково смотрели на многие вещи.

Решил поехать я к М. В. Ванину на Кавказ. Путь дальний, времени требует много, но я всё продумал. Если в пятницу в цехе меня отпустят с работы сразу после обеда, а директор ЦЭММа (Центральные электромеханические мастерские) даст отгул на понедельник, – я получу в итоге достаточно свободных дней, чтобы слетать туда и обратно.

Но мои планы не состоялись. Пошёл в ЦЭММ.

– Крючков, не могу, – неожиданно отказал директор Попов. – Из горкома звонили: вечером будет производственное собрание.

– Неужели без меня собрание не проведут?

– Так из-за тебя людей собирают! По твоему поводу!

– Константин Ильич, что они меня так полюбили? Сколько их уже было, этих собраний?!

Он решил пойти на некоторую откровенность:

– Да разве ты не понимаешь?! Они же до твоих печёнок доберутся! Твоя судьба решается! Вот побудешь на собрании, а потом хоть на три дня, хоть на неделю уезжай…

Он был чекист и многое знал. Понимал, что после собрания меня арестуют.

Рабочее собрание

В нашем тресте «Узловскуголь» я работал электромехаником, имея высшую категорию допуска к высоковольтным сетям. Обслуживал шахты, отстоящие друг от друга на большом расстоянии, и труд мой оплачивался повременно. Желая привязать меня к одному месту и загрузить работой так, чтобы я не имел возможность посещать собрания, – перевели на сдельную работу электрослесарем. Но из этой затеи ничего не вышло: я хорошо справлялся и в новой должности, и духовную работу не оставлял. Тогда хотели поставить меня начальником цеха, чтобы связать ненормированным рабочим днём, а наши собрания в отсутствие служителя успешно разгонять. Не получилось. Потом хотели уволить, приказ уже вывесили, но в конечном итоге и это не произошло. Поэтому, когда движение началось, я продолжал работать и не помышлял уходить из дому. Считал: хоть и окажусь в тюрьме, но Послания уже разошлись, Божий народ будет знать, что̀ делать, куда и как идти. У Бога же были другие планы, я всего сразу не мог разуметь.

Вечером пришёл я в ЦЭММ на рабочее собрание со своей женой, братом Юрием и И. А. Афониным. Собрание проходило бурно, специально настроенные люди лили на верующих вообще и на меня в частности всякую грязь. Пробрался в зал муж нашей верующей сестры Фроси Буйвол. Он был нетрезв. Кричит: «На кого вы руку подняли, пьянь вы ничтожная! Я инвалид труда, член профсоюза! Вы должны меня выслушать, я здесь работал, я знаю Крючкова!» Людей много, его сдерживали, потом удалили из зала.

Секретарь поселкового совета предложил принять резолюцию:

Верующие Узловской церкви писали в протесте, направленном 3 сентября 1961 года в центральные и местные органы власти:

[…] Объявленное прокурором нашему пресвитеру Крючкову Г. К. их преступное намерение расправиться с ним… они претворили в жизнь. В ЦЭММе, где после семилетней службы в армии Крючков Г. К. работает в должности мастера 10 лет, вечером после работы органы власти собрали рабочее собрание, где перед всеми оклеветали его и при помощи ложных обвиняющих фактов добились принятия резолюции предать его суду. […]

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ
КУЛЬТОВ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

тов.ПУЗИНУ А.А.

Докладная записка
о командировке в г.Тулу и г.Узловая,Тульской области

[...] Начальник отдела милиции гор. Узловая т. Лихачев приказал участковому уполномоченному милиции т. Индисову предъявить 3 сентября с.г. хозяину дома в дер. Родкино Володину письменное предупреждение о прекращении в дальнейшем проведения в его доме молитвенных собраний баптистов и, в случае присутствия там **пресвитера Крючкова Г. К., арестовать его (на что имелась санкция прокурора) для преданию суду, как тунеядца.** [...]

На Крючкова Г. прокурором... в то время был выдан ордер на арест на том основании, что он, хотя и является рабочим, но одновременно руководит и деятельностью незарегистрированной группы ехб и не прекращает такой деятельности, несмотря на неоднократные предупреждения его об этом со стороны органов власти, а также со стороны рабочего коллектива предприятия, где он работает. Более того, на собрании рабочих также вынесено решение о привлечении Крючкова к судебной ответственности, как тунеядца, хотя директор электромастерских в г. Узловая, где работает Крючков Г., отзывается о его работе положительно. [...]

(Задорожный)

ГАРФ, ф.6991, оп.3, д.1893, л.44-53

"10" октября 1961г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ
КУЛЬТОВ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

тов.ПУЗИНУ А.А.

Докладная записка
о командировке в г.Тулу и г.Узловая,Тульской области

[...] В беседе с прокурором т. Обшатко выяснилось, что он, да и не только он, довольно странно толкует Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 4.V.1961 года № 212/30 — «0 порядке применения Указа Президиума Верховного Совета РСФСР "Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни"»...

Когда я спросил прокурора т. Обшатко, **можно ли причислять к тунеядцам и арестовывать, например, Крючкова, на что уже имеется санкция, за то, что он, являясь рабочим и неплохо работая на производстве, руководит незарегистрированной баптистской группой,** то на это последовал такой ответ: "а... лицо, занимающееся скупкой вещей у иностранцев с целью перепродажи, тоже подлежат привлечению к ответственности, как тунеядцы" [...]

ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 1893, л. 44—53

обратиться от имени рабочих к прокурору, чтобы ко мне применили санкции закона и осудили за тунеядство. Резолюцию приняли. Местные власти полностью выполнили установку сверху, и милиционер дежурил на собрании, чтобы меня арестовать. Так они решили покончить с моей деятельностью, тем более всесоюзное движение за съезд началось.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ АРЕСТ

После того, как прокурор г. Узловая в последний раз предупредил меня: «Учтите, если до 25 августа вы ещё раз проведёте собрание в Родкино, будете лишены свободы», — меры по моей изоляции начали активно проводить в жизнь. Последней точкой в этом деле служили два общественных собрания: одно 23 августа 1961 года в деревне Родкино, на котором колхозники потребовали выселения из района как тунеядцев меня и Володина С. Д., и второе — в понедельник 28 августа на Дубовке в ЦЭММе (Центральные электромеханические мастерские), где я продолжал работать. На нём приняли нужную для вышестоящих инстанций резолюцию — предать меня суду, после чего вступала в силу выданная прокурором санкция на мой арест. По майскому Указу о борьбе с тунеядцами мне грозил срок 5 лет ссылки с конфискацией имущества или без неё. К этому и стремились. Но точных сведений, когда всё произойдёт, я не имел. Видел лишь, что на собрании рабочих, призванном принять обо мне осуждающее решение, дежурил милиционер.

Устроенное горкомом производственное судилище нарушило мои планы иметь три свободных дня (субботу, воскресенье и отгул в понедельник) для поездки на Кавказ к Михаилу Васильевичу Ванину, чтобы передать ему начатое дело и предложить возглавить движение в случае моего ареста. Но директор ЦЭММа заверил: «Дать тебе отгул на понедельник не могу. Вот побудешь на рабочем собрании, а потом хоть на три дня, хоть на неделю уезжай». Это обещание позволяло мне отправиться на Кавказ в тот же вечер, в понедельник, не откладывая.

В ЦЭММ, где после работы собрали весь наш коллектив, я пришёл не один, а вместе с моей женой, родным братом Юрием и Иваном Алексеевичем Афониным. Они сопровождали меня, ожидая, что я могу быть там же арестован. Когда всё закончилось, мы пошли на мою новую квартиру на Театральной улице, в которой я не прожил и недели. Отправляясь в Москву, чтобы 13 августа вручить Послание Президиуму ВСЕХБ, я оказался перед выбором. Жена говорит: «Что делать? Есть возможность переселиться в лучшую квартиру: три комнаты меняют на нашу одну. Жаль упустить такой вариант». Мы жили тогда здесь же, на Дубовке, только на улице Щербакова (там под шифером крыши сарая я прятал копию Посланий) в однокомнатной квар-

тире, которую я превратил в двухкомнатную (кухню сделал комнатой, а часть коридора — кухней). Я развёл руками: «Лида, ничем помочь не могу. Мне нужно срочно уезжать в Москву. Обратись за помощью к Юрию, к Володину С. Д. или ещё к кому-нибудь из братьев, наймите машину и перевезите вещи. Поездку в Москву я отменить не могу». Так она одна с детьми и переезжала.

Пришли домой. Как поступить? Тревожные мысли требовали незамедлительного ответа. Ареста можно ждать в любую минуту, и это обязывало срочно передать дела. Но когда лучше ехать? Железный обруч боли, сковавший мою голову, диктовал выехать чуть позже, ночным поездом или утром. Иван Алексеевич советовал не ждать: «Надо скорей уезжать. Ведь на собрании милиция дежурила!» И Юрий настойчиво убеждал не задерживаться. Мнения разделились. Мы встали на колени, чтобы утвердиться в Божьей воле. В молитве я получил ясность ехать только сейчас. Встал и говорю: «Братья, я единодушен с вами: медлить нельзя!»

Попили чай и ушли, ничего не подозревая. А происходило тогда следующее. Сынок нашей верующей сестры Фроси Буйвол (жившей тоже на Дубовке, муж её неверующий) находился в отделении милиции как юный дружинник или юный помощник милиции. Где-то на посёлке пьяные молодые люди устроили драку с применением ножей, и наряд из двух-трёх человек уехал туда на мотоцикле. На посту остался лишь дежурный. В это время прокурор звонит: «Немедленно арестовать Крючкова!» Дежурный отвечает: «Не могу. Наряд на вызове. Я здесь один, оставить пост не имею права». Через несколько минут опять звонок: «Арестовали?» — «Нет. Наряд ещё не прибыл. Как только приедет, сразу отправим». В третий раз прокурор уже кричал в трубку, но изменить ничего не мог. Бог просто отослал на время работников милиции, пока мы молились и немного поели. Кажется, простое дело — произошёл несчастный случай, милиция выехала разобраться, а этот подросток сидит в отделении и слышит, как прокурор отдаёт по телефону приказы арестовать меня. Потом он всё матери рассказал... Милость Божья! Он чудно выводил меня, берёг — когда наряд освободился, я был уже далеко от дома. Причём мы поехали не на железнодорожный вокзал в Узловой, а доехали до 4-й шахты, сели на попутную машину и направились в Тулу и дальше. Так что сразу нас найти не могли, хотя мы предприняли такой шаг не умышленно.

Меня караулили всю ночь, вели наблюдение из окна соседнего дома. Об этом признались потом те, которые следили тогда за нашим подъездом и окнами моей квартиры целые сутки (только смены менялись). Даже через несколько дней, когда мой брат пришёл проведать мою семью, сразу явились сотрудники милиции и отвели его в клуб, где стоял телефон. Позвонили на шахту: действительно ли он там дежурил. Лишь убедившись, что он Юрий, а не Геннадий, отпустили.

Секретно
экз. № 1

СССР
СОВЕТ по ДЕЛАМ
религиозных культоов
при
СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
по ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

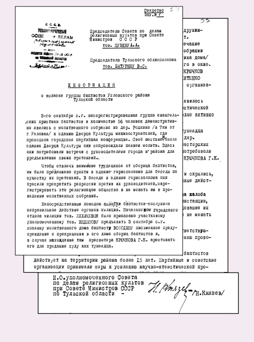
8 сентября 1961 г.
№ 2-с

Председателю Совета по делам религиозных культов тов. ПУЗИНУ А. А.

Председателю Тульского облисполкома тов. БАТУРИНУ В. О..

ИНФОРМАЦИЯ
о вылазке группы баптистов Узловского района Тульской области

3-го сентября с.г. незарегистрированная группа евангельских христиан баптистов в количестве 56 человек демонстративно явились с молитвенного собрания из дер. Родкино (в 7км от г. Узловая) к зданию Дворца Культуры машиностроителей, где проходила городская партийная конференция. Своё шествие и около здания Дворца Культуры они сопровождали пением молитв. Здесь они потребовали встречи с руководителями города и района для предъявления своих претензий. [...]

Секретно
экз.№ 1

С.С.С.Р.
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
СОВЕТ по ДЕЛАМ
религиозных культов
при
СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
по ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Председателю Совета по делам религиозных культов при Совете Министров С С С Р
тов. ПУЗИНУ А.А.

Председателю Тульского облисполкома
тов. БАТУРИНУ В.С.

ИНФОРМАЦИЯ
о вылазке группы баптистов Узловского района Тульской области

3-го сентября с.г. незарегистрированная группа евангельских христиан баптистов в количестве 56 человек демонстративно явились с молитвенного собрания из дер. Родкино /в 7км от г. Узловая/ к зданию Дворца Культуры машиностроителей, где проходила городская партийная конференция. Своё шествие около здания Дворца Культуры они сопровождали пением молитв. Здесь они потребовали встречи с руководителями города и района для предъявления своих претензий.

Чтобы отвлечь внимание трудящихся от сборища баптистов, им было предложено пройти в здание горисполкома для беседы по существу их претензий. В беседе в здании горисполкома они просили прекратить репрессии против их руководителей, зарегистрировать это религиозное общество и не мешать им в проведении молитвенных собраний.

Непосредственным поводом вылазки баптистов послужило неправильное действие органов милиции. Начальником городского отдела милиции тов. ЛИХАЧЕВЫМ было приказано участковому уполномоченному тов. ИНДИСОВУ предъявить 3 сентября с.г. хозяину молитвенного дома баптисту ВОЛОДИНУ письменное предупреждение о прекращении в его доме сборищ баптистов и, в случае нахождения там пресвитера КРЮЧКОВА Г.К. арестовать его для предания суду как тунеядца.

действует на территории района более 15 лет. Партийные и советские организации принимали меры к усилению научно-атеистической про-

И.О. уполномоченного Совета
по делам религиозных культов
при Совете Министров СССР
по Тульской области - /Н.Князев/

Непосредственным поводом вылазки баптистов послужило неправильное действие органов милиции. Начальником городского отдела милиции тов. ЛИХАЧЕВЫМ было приказано участковому уполномоченному тов. ИНДИСОВУ предъявить 3 сентября с.г. хозяину молитвенного дома баптисту ВОЛОДИНУ письменное предупреждение о прекращении в его доме сборищ баптистов и, **в случае нахождения там пресвитера КРЮЧКОВА Г. К. арестовать его для предания суду как тунеядца. [...]**

23 августа в дер. Родкино, 28 августа в Центральных электромеханических мастерских треста «Узловскуголь» собрание рабочих и колхозников потребовали выселения из района как тунеядцев руководителей секты КРЮЧКОВА Г. К. и ВОЛОДИНА С. Д.

Однако они не были своевременно взяты под арест и скрылись, тайно подстрекая членов секты на различные провокационные действия. (...)

Для выяснения причин вылазки баптистов секретарь обкома КПСС командировал в район меня и трех работников обкома КПСС. Вопрос будет обсуждён на бюро обкома КПСС.

И. О. уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Тульской области —
/Н. Князев/

ГАРФ, ф.6991, оп.3, д.1893, л.54-56

ПОЕЗДКА К ВАНИНУ М. В.

Путь мой лежал в Грузию к Ванину Михаилу Васильевичу, другу моего отца с юности (он жил возле Сухуми в местечке Гудаута). В молодые годы он был активным в служении Богу и, отбыв за это 25 лет в заключении от звонка до звонка, не сломился, продолжал посильный труд в зарегистрированной Сухумской церкви ЕХБ. Я ехал к нему, надеясь передать документы и поделиться мыслями, как вести дело дальше.

С трудом разыскал нужный дом. Михаил Васильевич встретил меня радушно. Мы виделись впервые. Небольшого роста, приятной внешности, с выдающимся высоким лбом, он производил благоприятное впечатление. Я поспешил объяснить цель приезда:

— Бог положил мне на сердце обратиться к Божьему народу с призывом провести оздоровительную работу в церкви и осудить поведение официальных служителей, которые изменили Богу и сотрудничают с гонителями церкви. Ознакомьтесь с Посланием, — предложил я, — и возглавьте это дело, созовите съезд. Может быть, найдёте ещё богобоязненных друзей. Окликните всех бодрствующих, вместе воззовите к Богу в покаянии, и Он пошлёт победу! Если нам придётся и костьми лечь, — Господь придёт в стан искупленных и совершит дивное!

Но этот разумный человек в ужасе отпрянул от меня: «Геночка, дорогой, если бы ты пришёл ко мне раньше, чем вы распространили это Послание, я бы взял тебя за руку и сказал: «Остановись, безумец! Что ты делаешь?!» При этом он больно стиснул мою руку выше локтя. (Вот почему Бог иногда не велит советоваться. Он полагает на сердце что-то делать, не смущаясь, а я иду за советами то в Дедовскую церковь, то к маститому старцу в Горьком, то к Ванину, а они только веру разрушают.)

Разумеется, я не удержался и уточнил: «Михаил Васильевич, почему бы вы сказали мне так?»

— Да потому что вы направились по безнадёжному пути: пошли против двух сильных века сего: власти духовной и политической. Они свились воедино, и вы ничем их не разовьёте.

— Бросив этот клич, разве мы ищем поддержки сильных мира сего? Это они проникли в ряды искупленных, чтобы низложить церковь руками самой церкви!

— Всё правильно, брат, правильно! Но власть желает направлять жизнь церкви по нужному ей руслу и делать в ней своё дело. И поскольку церковь уступила, пошла этим путём, нам некуда деться... будем идти!..

Стараюсь разъяснить ему с позиции веры:

— Служителям Божьим должно охранять и отстаивать независи-

мость церкви! Неужели Бог благоволит к тому, чтобы церковь жила в отступлении? Разве такую Церковь Господь создавал?!

— Нет, конечно, нет! Но такова суровая действительность. Если бы ты раньше пришёл ко мне!.. В общем, не буду тебя разубеждать, раз уж вы начали, стойте в истине.

И процитировал стихотворение. Автора не могу точно назвать, но слова прочно врезались в память:

С мощью пророка, хоть одиноко,
Людям тверди во что веришь глубóко.
Мало ль надежды, хватит ли силы,
Но до конца, до грядущей могилы
Стой, не сдавайся, не пресмыкайся,
Правде одной на земле поклоняйся...

Ещё что-то из Писания сказал. И всё. На следующий день я уходил из его дома, так и не оставив ему ни одного Послания. Михаил Васильевич пошёл провожать меня на вокзал.

— Ты что же такой худой? — в его голосе звучала отцовская забота.

— А вы-то?

А он ещё более тощий, чем я, и ростом, по-видимому, ниже. Ответил, улыбаясь: «Да мне хорошо, легче возноситься будет!»

Мы шли по живописному городку на побережье Чёрного моря. В глазах рябило от солнечного света. Стройные кипарисы свечёй поднимались к небу. Казалось, время не имеет власти над ароматными красками этого южного края.

— Красивые здесь места!

— Да, Геночка, предрайская местность, природа предрайская! Друзья радуются и говорят, что Бог дал мне годы отдыха за все тяготы жизни, за всю перенесённую скорбь.

Уже на вокзале он неожиданно попросил: «Геночка, дай мне Послание, я хоть познакомлюсь, может, с братьями побеседую, почитаем вместе».

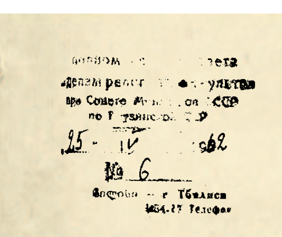
Найдя укромное место, я достал свою крамольную сумку, вынул из пачки один экземпляр написанного "синькой" Послания, свернул в “трубочку” и отдал. Подошла электричка, я поднялся уже на подножку вагона, когда он сказал: «Если что — не забывайте. Приезжай когда-нибудь, что-то расскажешь. Может, о чём-то посоветуемся. Как Апостол Павел сказал: "Думаю, и я имею Духа Божия..."»

Так мы расстались. Не смог я передать Ванину переполнявшей моё сердце заботы о состоянии церкви. Не заручился даже поддержкой, не услышал слов одобрения. Власть политическая для них была сильнее Божьей, в её всемогущество они верили больше.

Сергей Терентьевич Голев, узнав, что я посетил Михаила Васильевича, попросил рассказать о встрече. В общих чертах я передал

суть беседы. Оказывается, Сергей Терентьевич позже меня тоже побывал у Ванина. «Ты, милый мой, не обижайся на него, не держи в сердце ничего, — советовал он мне потом по-отцовски. — Он же мученик... Это же Савонарола!.. Он столько перенёс! Родной сын называл его "папой" только в 25 лет. Как Михаил Васильевич радовался этому! Сердцем он целиком с нами. Тебе он не сказал, а мне признался: "Что я мог сказать Геннадию?! Не годимся мы в коренные, в пристяжные — ещё куда ни шло..."» (коренник — ведущая лошадь в запряжённой тройке. — Прим.)

Секретно

Председателю Совета по делам религиозных культов при Совете Министров С С С Р

тов. П У З И Н У А.А.

Должен доложить, что представители так называемой "Инициативной группы Прокофьев и Крючков появились и в нашу республику в частности в городах Тбилиси, Сухуми, и Батуми и начали вести свою противозаконную деятельность. Судя по тем данным, которыми я располагаю, их несовместимую, противозаконную точку зрения стали разделять не только религиозный актив религиозных обществ ехб, но и рядовые верующие.

Крючков лично приезжал в г. Сухуми и встречался с членом исполоргана зарегистрированного религиозного общества ехб с Ваниным М. В. Крючков передал Ванину первое послание "Инициативной группы", которое с согласия исполоргана и пресвитера Ковалева было зачитано Ваниным сперва в исполоргане, а потом на двадцатке. На двадцатке читалось также и второе послание "Инициативной группы" за подписями Крючкова и Прокофьева... Со слов стар. пресвитера Русанова выяснилось, что с посланиями Прокофьева и Крючкова согласны член ревизионной комиссии религиозного общества Парсавидзе, регент Ковалев Н. М. и надо полагать сам Ванин, а также некоторые другие члены религиозного общества. [...]

Одновременно с этим сообщаю, что копии послания "Инициативной группы" № I, № II и № III мною официально переслано в отдел КГБ при Совете Министров ГССР. Остальных двух документов перешлю на днях.

Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при СМ ГССР (Д.Шалуташвили)

ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 1551, л. 14

«ВСТАНЬ ОТ РОДСТВА ТВОЕГО...»

Моё нелегальное служение предопределил Сам Господь. Я не собирался жить в условиях конспирации и ничего иного не предполагал, как только сразу ехать домой, вернувшись из Гудауты в Москву. Но винтовой самолёт летел с Кавказа часов пять, и я был настолько измучен в пути, что не мог идти. Мне обязательно нужно было отдохнуть прямо в аэропорту. Расположился в одном из кресел в зале ожидания и сразу отключился. После того, как стало немного легче, — поехал к отцу, на ту квартиру, где в 1956 году я молился о предстоящей поездке в Англию на Библейские курсы. Приехал к нему и тоже вынужден был лечь, потому что очень болела голова. Через время меня разбудили, чтобы я не опоздал на поезд в Узловую. Но тут неожиданно появился Семён Давыдович Володин. Я обрадовался его приходу и, не зная всего происходящего на Дубовке, предложил:

— Поедем домой вместе.

— Ты намерен домой ехать?!

— Конечно.

— Ты не домой, а в тюрьму приедешь. Три дня назад минут через 10, как ты ушёл, прибыл наряд милиции арестовать тебя. Бог тебя вывел! Они совсем чуть-чуть опоздали и теперь всё время дежурят у твоего дома... Меня братья специально послали предостеречь тебя, знали, что после Ванина ты обязательно навестишь отца.

Слушаю его, а у меня голова кру́гом идёт, не отошёл ещё от поездки. Как быть? Деньги все истратил на дорогу, в кармане только мелочь звенит... У родственников оставаться нельзя: к ним милиция придёт с проверкой в первую очередь. Братьев из других общин я мало кого знал и на Украине ни с кем не был знаком, да и вообще в церкви мы жили своей жизнью, широко не общались. Куда идти? Такой исход я совсем не предполагал, заранее никакого тайного места не готовил для себя.

— Сколько раз я призывал других быть мужественными, твёрдыми перед лицом страданий, а как же теперь?

— Ну и что же! Ты думаешь кого-то

ул. Театральная, дом №5 (г. Узловая, п. Дубовка Тульской обл.) Окна (слева) квартиры на первом этаже, в которой жила семья Г. К. Крючкова после его ухода в 1961 г. на конспиративное служение

удивишь, что попадёшь в тюрьму? — настаивал Семён Давыдович. — Властям это будет только на руку.

Недели за две перед этими событиями я говорил в церкви проповедь о том, как Господь повелел Аврааму: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе» (Быт. 12, 1). Великий праведник сделал всё, что повелел ему Бог. Однако и на пути послушания его вера ещё и ещё раз была испытана. «Возьми сына твоего, единственного твоего, — повелел ему Господь и подчеркнул — которого ты любишь, Исаака... принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе» (Быт. 22, 2). Единственный сын — ещё не всё. Он может быть и не любимым, с таким и расставаться нетрудно. Нет: «которого ты любишь»! Не просто равнодушен, а именно ЛЮБИШЬ! Авраам, возлагая на жертвенник единственного и любимого сына, не ведал, что Бог приготовил заместительную жертву — овна, запутавшегося в чаще рогами. Авраам в любви к Богу не остановился ни перед чем. Жертвуя Исааком плотским, он получил духовное наследство — всё потомство верующих (Быт. 22, 16—18). Таким великим благословением наградил Бог Своего друга.

Теперь, когда братья не советовали мне возвращаться домой, я вспомнил это повеление Господа: не мой ли черёд пришёл идти за Ним путём, каким я не ходил ни вчера, ни третьего дня?! Ведь если бы Семён Давыдович не выехал навстречу, я бы, безусловно, оказался в тюрьме. Во всём этом обнаружилась чудная Божья милость, Его план, который Он совершал. Потому что если Господь положил кому-то на сердце Свои мысли, Свои идеи, то Он знает, что эту порученную Им работу не сделаешь за год — это длительный процесс. Следовательно, для воплощения стратегических планов в жизнь нужны молодые, покорные Богу соработники.

Сердце готово было повиноваться Богу, хотя я — не суровый солдат и всегда был смущён, когда предстояло переночевать в другом доме, есть не свою пищу. Но в сознании стремительно утверждалась вера: «Послания написаны и разосланы — остальное Господь усмотрит. Он скажет где, на какой из гор будет испытана и моя любовь к Богу. Господь повёл, значит, пойду...» С этих пор я стал совершать служение в нелегальных условиях. С первой ночи нужно было искать, где переночевать, и так — почти все 30 лет.

ЕЩЁ ОДНО ПОСЕЩЕНИЕ ВСЕХБ. ДОЧЬ МОТОРИНА

Когда Послания Инициативной группы широко распространились среди верующих ЕХБ, они произвели на многих сильное действие. Всё загудело. Тогда через три месяца (после 13 августа 1961 года) Карев, Жидков прислали телеграмму: «Просим Крючкова и Прокофьева прийти за ответом». Говорю Алексею Фёдоровичу: «Нас приглашают для беседы. Что будем делать? Народу Божьему нужен отчёт, ведь

мы обратились с призывом ко всем церквам. Как мы объясним, почему избегаем встречи? Хотя совершенно не ясно, какую беседу они намерены вести. Но коль приглашают, надо идти».

Он недовольно поморщился:

— Жаль отдавать сразу двоих! Жаль.

— Ну что ж, Алексей Федорович, останьтесь где-нибудь в сквере, молитесь, а я пойду.

Так и сделали.

Они назначили встречу на понедельник или на вторник. Но я их планам не повиновался, старался предусмотреть всё возможное, чтобы не им создавать удобство, а сделать как лучше для нас. Предвидел, что небезызвестные люди в штатском могут подготовить всё так, чтобы там тайно арестовать. В простой рабочий день утреннее богослужение не проводится, верующих в молитвенном доме нет, и они осуществят своё намерение без лишнего шума и ненужных свидетелей. Поэтому я пришёл на Маловузовский в воскресенье. Тем более что в такой день там присутствуют все служители ВСЕХБ. Причём я шёл не один, а с братьями местной Московской церкви ЕВЛАКОВЫМ С. П., САМСАКОВЫМ Н. Ф. и др., пригласив их быть свидетелями того, что̀ нам будут говорить. Это произошло 26 ноября 1961 года в канцелярии ВСЕХБ. Присутствовали ЖИДКОВ Я. И., КАРЕВ А. В., ИВАНОВ И. Г., МИЦКЕВИЧ А. И., ОРЛОВ И. М., КАРПОВ А. Н. и др.

Алексей Федорович ожидал на Покровском бульваре.

Перед тем как идти на беседу, один из наших братьев, Юра Богданов, встретился со мной: «Сестра просила вас подойти к ней прежде, чем вы пойдёте туда». А сестра эта — дочь Моторина, председателя исполнительного органа Московской церкви. По-видимому, между ней и отцом произошёл разговор, и она хотела его передать. Она знала, что ВСЕХБ вызвал меня и Прокофьева телеграммой на встречу, но ей также хорошо было известно и настроение властей в отношении нас. Поэтому она просила Юру Богданова помочь ей встретиться с нами.

Собрание уже закончилось, верующие стали расходиться. Ожидаю увидеть Жидкова, Карева. В это время Юра Богданов подвёл ко мне дочь Моторина. Это была молодая сестра, лет 30, высокая, приятной внешности. Она отвела меня чуть в сторону (там, где парадный вход, начинаются ступеньки и есть маленькие закоулочки). Захожу туда, а она озабоченно озирается:

— Я просила с вами встречи... Вы брат Крючков?

А у самой слёзы льются из-под золотых очков.

— Я Крючков. Что вы хотели сказать?

— Дорогой брат, не ходите туда! Не ходите! Я знаю намерения властей. Вы можете отсюда не выйти. Мне доподлинно известно, что принято решение: «Выявить Инициативную группу с целью её ликвидации». Правда, они говорят, что для начала ставку надо делать не на эти две подписи. Две фамилии под Посланиями — ширма, за ними

стоят какие-то крупные силы. Я умоляю вас, не ходите туда!.. Вы действительно можете оттуда не выйти!

— Дорогая сестра, — я попытался её успокоить, — очень благодарен вам за предупреждение. Но не смущайтесь, если узнаете, что мы всё-таки пошли. Я буду учитывать всё, что вы говорите.

Увидев меня, Карев сразу предложил: «Давайте, брат, побеседуем, найдём где-то укромное местечко». Говорю: «Александр Васильевич, это дело официальное, давайте и говорить официально. Непременно здесь должен быть Яков Иванович и весь основной состав Совета».

Карев: «Да зачем, брат дорогой!» Потом пояснил, что Жидков не может присутствовать. Спрашиваю: « Скажите, он отказался или нет?» Мнётся. Вновь прошу: «Пойдите ещё раз скажите ему». (А Жидков уже сидел в машине, собирался уезжать.)

— Идите, скажите, чтобы я мог зафиксировать, что он отказался встретиться. Вот ваша телеграмма, вы приглашали...

Всё-таки Александр Васильевич привёл его.

— Ну что тут ещё? — Жидков с недовольством бросил портфель на диван.

Потом Иванов пришёл, казначей. Другие собрались, видимо, любопытство взяло верх. Они могли подозревать, что Карев вместе с нами тайно что-то делает. А он просто старался балансировать, хитрил.

Началась беседа, поднялся шум. Правда, местные братья, пришедшие со мной на беседу, в разговор почти не вступали: Евлаков наблюдал молча, Самсаков — совсем старец, в прошлом когда-то был осуждён за веру, тоже мало говорил. Была с нами ещё сестра. Она сидела в углу и писала. Иванов резко приблизился к ней:

— Вот что̀ она пишет там, что она пишет?! Это вам нужно ещё для одного Послания?! Клевету на нас будете распространять?!

— Что вы шумите, Яков Иванович? — пришлось его остановить. — Что вы пальцем показываете? Это сестра ваша во Христе, если вы брат.

Сохранилась запись этой беседы. (Она помещена в «Братском листке» №1, 1986 г. и приводится ниже. — Прим.)

КАРЕВ: *Нам поручено сказать вам, что председатель Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР уполномочил нас заявить вам о том, что съезд разрешён не будет ни при каких обстоятельствах, то есть в разрешении на съезд категорически отказано.*

И как можно распространять по всем церквам такие иллюзии в наше время?! Я не верю в этот съезд, так как сейчас в нашей стране взят самый жестокий курс в отношении религии. Они решили покончить с организованной религией в самое кратчайшее время! Они не собираются идти с нами в коммунизм!

КРЮЧКОВ: *Как для служителей Божьих для нас важно то, что мы идём в вечность. У нас должна быть своя ответственность перед Богом и церковью.*

КАРЕВ: *Ну, предположим, собрался бы съезд, съехалось две—три тысячи делегатов... Но ведь у вас в программе — разрушить все рамки, отменить «Положение» и «Инструктивное письмо», то есть вы говорите: «Мы собираем съезд, чтобы поломать все рамки». Кто это позволит? Прежде чем ломать все рамки — надо свергнуть власть и уполномоченных. Регистрации нет с 1948 г., и это не зависит от нас. Допустим, вы изберёте новый ВСЕХБ, но пойдёте регистрировать — и вас будут вычёркивать. Вы ответите перед Богом и церковью за посеянную иллюзию о съезде. Кто вам дал право вселять эти надежды в верующих?! Что вы теперь скажете верующим, когда в съезде отказано?! Кто даст ввести равноправие между зарегистрированными и незарегистрированными общинами?! А кто вас зарегистрирует?! Идите и скажите всем, что вексель выдали, а оплатить не можем. Кто вам даст установить такую свободу?! Вы надеетесь на помощь от церкви — тотчас будут закрыты и церкви.*

КРЮЧКОВ: *Как вы понимаете: что̀ лежит в основе наших посланий? Угодны ли наши стремления Господу?*

КАРЕВ: *Угодны, брат, угодны. Но если Господу угодно дать нам свободу, Он даст её без борьбы церкви.*

КРЮЧКОВ: *Мы не будем свободны без покаяния и возврата на путь истины. Как мы начали работу по созыву съезда? Из чего мы исходили, обличая ВСЕХБ? — Из необходимости покаяния за противоречащие Слову Божьему документы и деятельность ВСЕХБ. Мы предложили совместно ходатайствовать о съезде, а вы отказались от съезда и пошли против нас войной. Разве не трагедия для братства — отсутствие единства? Почему церковь не имеет единого руководства зарегистрированных и незарегистрированных общин? Почему нет совместной общецерковной заботы, общих молитв о защите дела Божьего в такое ответственное время?*

КАРЕВ: *Мы считаем незарегистрированных за братьев, а объединять не можем. Вы тоже ничего не сможете сделать по объединению зарегистрированных и незарегистрированных общин, так как это не от вас зависит.*

КРЮЧКОВ: *Что касается нашего отношения к властям, то мы не имеем права их судить — «внешних судит Бог». Но почему они должны решать вопросы внутрицерковного устройства? Почему от регистрации должна зависеть структура и духовная жизнь братства?*

КАРЕВ: *Например, сегодня вы пришли к руководству союзом. Вы стали председателем, Прокофьев — генеральный секретарь, а эти братья — членами. Но как вы зарегистрируетесь? Вы будете виновны в закрытии общин и репрессиях!*

КРЮЧКОВ: *В одной из своих бесед вы сказали: «Положение» и «Инструктивное письмо» — это суть два рельса, по которым идёт наше братство. Не признавать этих документов — значит идти против власти».*

КАРЕВ: *«Положение» 1960 г. принималось совещанием старших пресвитеров. Оно не противоречит Слову Божьему. Вы говорите о доступе детям в церковь.*

Будете приводить их к Господу — вам дадут пять лет и детей отберут.

ЖИДКОВ: *Спорами заниматься не следует. Я предлагаю сейчас всё закончить. Пусть придут завтра.*

ИВАНОВ: *Нам ясно одно: съезда не будет.*

КАРПОВ*: Сегодня мы не можем беседовать.*

ЕВЛАКОВ: *Почему не можете? Для нас сегодня удобней.*

КАРЕВ: *Сейчас ясно, что съезда не будет.*

КРЮЧКОВ: *Хорошо. Инициативная группа обсудит результат этой беседы и будет продолжать возложенное на неё служение.*

Самое главное состоит в том, что после этой беседы мы ещё с большей ясностью увидели, как ограблено наше братство! Не может Господь обитать в сердце людей, которые допустили грех, предательство. Враг похитил у нас самое драгоценное, и плакать нужно о возвращении Бога. Только тогда начнётся благословение. А оно придёт через покаяние, через очищение...

КЛЕВЕТНИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ В ГАЗЕТЕ

Усилившиеся с 1959 года повсеместные гонения не повредили Узловской церкви. Верующие с радостью спешили на собрания, молитвенный зал всегда был полон. Молодёжь не сидела сложа руки, каждый занимался посильным делом. С усердием работала, например, трудовая группа: в атласных халатиках, с белыми воротничками дежурные встречали приходящих на богослужение, помогали пожилым снимать верхнюю одежду. На праздники хор выделялся особенно: сёстры надевали белые блузки, все братья — обязательно в костюмах. Порядок наблюдался во всём, несмотря на то, что кто-то мог бы бросить упрёк: «Может ли быть что-то приличное в этом захолустье?!»

Однако наша церковь действительно была на редкость дружной, сплочённой, ревностной. Подчиняясь жаркому чувству любви к Богу и жертвенному подвизанию, никто не искал жалкого компромисса с миром, был готов полагать «душу свою за друзей своих» (Иоан. 15, 13) и отстаивать свободу вероисповедания любой ценой.

3 сентября 1961 года после очередного жестокого разгона богослужения в Родкино шествие почти сотни верующих от дома молитвы в центр города (7 км) — небывалое явление, наверное, не только Узловой. С пением и остановками для молитвы, привлекая внимание прохожих, шли они к зданию Дворца культуры машиностроителей, где проходила городская партийная конференция, с ходатайством, чтобы произвол и насилие против верующих был прекращён. В письме правительству того времени церковь писала:

«Подобные погромы у нас были всё время на протяжении трёх лет...

После собрания мы все пошли ко Дворцу культуры, где по случаю конференции было всё начальство и власти, с жалобой на произошедшее [...] На другой день в горкоме собрались представители власти и приняли восемь человек наших сестёр, которые убедились, что все они прекрасно знают, что делают преступления, и заявили, что подобное будет продолжаться до тех пор, пока они не разгонят нас окончательно.

Поймите же нас, мы не можем не служить своему Богу, потому что мы любим Его и обещали служить Ему до смерти (Откр. 2, 10; Матф. 10, 2; 10, 28).

Мы требуем прекратить произвол, не повторять средневековых методов борьбы с нами, ибо поступающие так покрывают себя срамотою. Теперь нам в особенности хорошо видно, как беспомощен атеизм в борьбе с нами, ибо с нами Бог. И во все века средством борьбы с нами было зло, ненависть, клевета, насилие. Таково естество диавола, и он не может другим оружием вооружить тех, кто борется с Богом. Такова истина.

По поручению церкви протест подписали:

Голощапов /Голощапов/
Захаров /Захаров/
Володина /Володина/
Баранова /Баранова/
Живоглозова /Живоглозова/
Середнякова /Середнякова/

О безуспешной попытке гонениями уничтожить Узловскую церковь свидетельствовали сами борющиеся с ней:

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

тов.ПУЗИНУ А.А.

Докладная записка
о командировке в г.Тулу и г.Узловая,Тульской области

В деревне Родкино, расположенной в 7 км от гор. Узловая, на протяжении длительного периода времени активно действует незарегистрированная группа ехб... На неоднократные обращения верующих в Тульский облисполком с просьбой о регистрации их группы они получали отрицательный ответ. Но отказ в регистрации и многократные предупреждения со стороны органов власти о прекращении деятельности этой группы верующих… не давали желательных результатов. Более того, применявшиеся отдельными должностными лицами методы администрирования по отношению к верующим этой группы не только не при вели к снижению активности, но, наоборот, значительно усилили ее. Выражением этого явилось то, что верующие, не прекращая своей деятельности, стали обращаться в руководящие инстанции с просьбой о принятии соответствующих мер к прекращению применения к ним незаконных мер со стороны отдельных работников местных органов власти. Выражением усиления активности верующих этой группы

следует считать и тот факт, который, как следствие проявления голого администрирования, имел место в гор. Узловая 3 сентября с.г. [...]

" 10 " октября 1961г. (Задорожный)

ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 1893, л. 44–49

Разобраться с происходящим в Узловой прибыл работник Совета по делам религиозных культов из Москвы Задорожный П. А.. Не один день заседало партийное руководство не только района, но и области. Резонанс был большой. Тем не менее, заверения о том, что разгоны богослужения Узловской церкви продолжатся до тех пор, пока её окончательно не уничтожат, оказались не голословными. Семёна Давыдовича Володина, хозяина молитвенного дома, арестовали прямо на работе, на шахте, по абсурдному обвинению в тунеядстве. (Я в то время уже совершал служение нелегально.) Молодые сёстры нашей церкви осознанно и решительно изъявили желание: «Надо постоять за него!» Они отправили в Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР, Генеральному прокурору СССР и в местные инстанции заявление, что в нашем городе преследуют верующих, нарушают законы страны и т. д., и объявили в связи с этим голодовку с 8 декабря 1961 года (участвовала Вера Соколова и Ксения Володина, родная сестра Семёна Давыдовича). Как говорилось в их докладной записке, они «...решили продолжать её до полного восстановления законности и письменной гарантии в неповторении всех издевательств над нашими гражданскими правами и религиозными чувствами». Сёстры не принимали пищу 20 дней. Идя на этот шаг, они поставили в известность о беззакониях властей также и жителей Узловой, расклеив на столбах сообщение. Через 20 дней, когда они ослабели настолько, что могли передвигаться по комнате лишь держась за стенку, врачи увезли их на машине "скорой помоши" в больницу и там в течение 40 дней насильственно искусственно кормили. И опять Узловая привлекла к себе особое внимание. Да такое, что на эти события отреагировала центральная пресса — газета «Известия», поместив 23 января 1962 года статью «Где надо власть употребить» с грубой клеветой на верующих и на меня в частности:

Вера Соколова и Ксения Володина, протестуя против гонений на Узловскую церковь 20 дней не принимали пищу (и 40 дней их искусственно кормили).

«[...] Прошли собрания на предприятиях, где работали пропо-

ведники. После этого пресвитер Г. Крючков оставил работу в центральных электромеханических мастерских и уехал. Но он не забыл о своей пастве и продолжал руководить сектой путем инструкций.

Теряя почву под ногами, сектантские главари потеряли и голову. Им нужно было любой ценой удержать пошатнувшиеся позиции среди верующих. Но как? Все средства были уже ими испробованы. И вот тогда-то они решили пойти на шантаж. Оставаясь в тени, они решили принести в жертву двух верующих. Выбор пал на Веру Соколову и Ксению Володину.

Делу был придан большой размах. На этот раз сектанты не ограничились письмами в руководящие органы. Они расклеивали листовки, опускали конверты в почтовые ящики местных жителей. [...]

Главари действующей в Узловой секты — преступники. Их нужно судить по всей строгости наших законов, свято оберегающих жизнь и достоинство советских граждан».

Обычно такие яростные нападки опубликовывались только в местных газетах (районных, областных или краевых). Но чтобы подключились «Известия», — подобное трудно припомнить.

Перед этим я видел сон: будто наше собрание в Родкино (но зал пустой), я прохожу вперёд, а за мной гонится огромный пёс, размером, как телёнок! Ксения, сестра Семёна Давыдовича, и его жена Рая пропустили меня, а пёс мечется то в одну сторону, то в другую, чтобы меня догнать. Они его сдерживают, бьют по морде, стараются отогнать. Я хотел вступиться, а потом понял, что они этого пса всё равно не пропустят и мне никакого вреда не будет, потому что они отбивают его так, что ему ни за что ко мне не подступиться.

Ночью видел этот сон, а к вечеру приезжаю в Москву. Мария Якименкова взволнованно встречает меня: «О, брат Геннадий, какая на тебя страшная статья вышла!» Спешу её порадовать:

— Всё-таки она мне ни на йоту не повредит, я уже знаю.

— Откуда ты знаешь? Кто-то газету передал?

— Нет, не передал. Но я знаю, что все пройдёт мимо и меня совсем не затронет.

Не скажу, что я постоянно видел какие-то особые сны, но иногда Господь таким образом мне что-то открывал или от чего-то предостерегал.

Братья и сёстры нашей церкви были удивительно стойкие, верные, отдавали все силы, чтобы собрания не прекращались. В один из дней, едва рассвело Рая Володина слышит грохот в дверь:

— Открывай! Я — Савушкин (председатель колхоза в Родкино).

— Савушкин?! А зачем ты идёшь?

— Ломать двери будем, чтоб не было тут сектантства. Ишь развели, деревню агитируете.

— Я не открою!

— Несите лом! — приказал он пришедшим с ним на предосудительное дело.

Принесли лом. Одну дверь сломали, другую, а на дворе зима... В молитвенный зал дверь сломали. Ребятишки проснулись, подняли крик, плачут, а их прямо на снег выбрасывают.

— Что вы делаете, Василий Иванович?! Что вы с детьми делаете?!

— А они всё равно у тебя никуда не годные!

Что делать? В доме холодно, всё поломано, поколото. Петя Захаров и другие братья двери навесили, окна застеклили, печку затопили — тепло! И всё же собраний разогнать не могли, хотя дружинников и милиции приходило много.

Однажды опломбировали молитвенное помещение, а жена Семёна Давыдовича тут же пломбу сорвала и выбросила. Вот так верующие с Божьей помощью отбивались от беззаконников.

В те дни, когда наши сёстры не принимали пищу, я попытался поговорить об обстоятельствах в Узловой с Алексеем Фёдоровичем Прокофьевым. Из-за гонений верующие в Одессе тоже объявили голодовку, а нам, как представителям Инициативной группы, следовало иметь определённое мнение по этому вопросу, чтобы объяснить всё Божьему народу. Ведь накал борьбы был большой, противостояние атеизма шло жёсткое. Говорю:

— К нам придут служители или рядовые братья беседовать и спросят, как мы смотрим на это.

Он молчал-молчал, а потом резко ответил:

— Ну что ты меня спрашиваешь? Я сам крайний левый. У меня самого мятежный дух.

Поправляю его:

— Для богословия этого недостаточно...

Пытался как-то выяснить у него:

— О вас пишут всякие вещи, распространяют в анонимках, что вы нерукоположенный. Мы вместе работаем, хотелось бы знать, когда, кем вы были рукоположены и где?

— Если не веришь, — я могу уйти совсем!

Вот примерно в таком духе проходили наши беседы.

1962 год. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ВИНСОМ Г. П.

Должен сказать, что я был очень неповоротлив в руках Господа. Со мной часто происходило, как с Апостолом Петром, который имел свои взгляды, свои представления. Только после необычного видения он исполнил Божье повеление, встал и пошёл в Кесарию в дом язычника Корнилия.

Подобным образом и я вёл себя в начале нашего движения. Свои идеи по пробуждению церкви ЕХБ предлагал сначала служителям Дедовской общины, после этого приглашал других братьев, и только когда понял, что всё безрезультатно, принялся за поручаемое Господом дело. (Позже и «Братский листок» я предлагал писать любому брату, который только пожелает. Поручал Якову Григорьевичу Скорнякову, Вениамину Александровичу Маркевичу... Кого только ни просил, даже Георгия Петровича. И что же из этого получилось? Все основные документы я писал сам.)

Так обстояло дело и с документами первых лет пробуждения. Я искал братьев соработников. За первые полгода после начала открытой работы Инициативной группы я посетил церкви в Сибири, Белоруссии, был на Урале, в Ростове, познакомился со многими преданными Богу братьями. Они действительно стали украшением Церкви Христовой. Без благодарности Господу не могу вспоминать таких испытанных, верных друзей, как Шалашов Александр Афанасьевич, Миняков Дмитрий Васильевич, Батурин Николай Георгиевич, Голев Сергей Терентьевич. Но не каждый из них мог быть мне в помощь в том плане, чтобы излагать мысли на бумаге...

Прошло около месяца после ареста в апреле 1962 года Алексея Фёдоровича Прокофьева. Я по-прежнему продолжал искать братьев, готовых к жертвенному труду. Приехал в Киев. Мне сказали: «Вот этот брат (Николай Величко) может показать, где живёт Георгий Петрович Винс». Мы долго ехали с ним троллейбусом. Он произвёл на меня впечатление человека молчаливого, но уверенного в себе. Пришли в дом Георгия Петровича, где он жил с семьёй: с матерью Лидией Михайловной Винс, женой и тремя детьми. Меня приняли, провели наверх, там я сидел, ждал. Потом пришёл Георгий, сдержанный, вытянутый. Он тогда худой был, как и я.

— Почему вы приехали именно ко мне? От кого узнали обо мне? — и голос, и выражение лица говорили о его настороженности. Он ещё полностью не утвердился, как относится к работе Оргкомитета, хотя под заявлением о созыве съезда, которое от Киевской церкви направила в правительство группа верующих, человек 50, стояла и его подпись.

Я был предельно откровенным:

— Хотел бы познакомиться. Мне сказали, что вы работаете инженером, активно участвуете в служении, проповедник. И я полагаю, что вы сможете помочь нам подготовить одно из обращений к Божьему народу.

В это время к нему приехал Леонид Коваленко. Он тоже был в числе тех 50 членов Киевской церкви, которые подписали заявление о необходимости созыва съезда. Филолог по образованию, он подавал надежды, что может принять участие в нашей работе. Георгий сказал:

— Здесь в моём доме работать плохо. Но у нас есть неверующие родственники, можно встретиться у них. Завтра ждите меня на оста-

новке (назвал где), мы поедем туда и сможем спокойно пообщаться.

На следующий день я ждал его на трамвайной остановке. Встретились. Туда же, к неверующим родственникам, приехал и Леонид Коваленко. Я рассказал им содержание намечаемого документа, они попытались изложить его на бумаге. Если говорить о написании текста, должен прямо сказать: ничего у нас не получилось. Вложить им свои мысли я не мог, а то, что писали они, не отражало нужной сути. Я понял, что даже один абзац не могу с ними написать. И опять мне нужно было в который уже раз осознать, что следует повиноваться Богу, когда он что-то поручает, и доверять Ему, если даже остаёшься один.

Отправляясь на встречу со мной, Леонид Коваленко пригласил и своего тестя, Шаповалова Данил Даниловича с женой, она работала медсестрой. Шаповалов в то время был старшим пресвитером ВСЕХБ по Житомирской области. И когда он пришёл, у нас завязалась беседа. Данил Данилович стал говорить:

— Мы думаем, а некоторые и говорят, что вы работаете вместе с КГБ, потому что если бы вы без КГБ работали, то не смогли бы ездить. Вот, например, мы, когда едем куда-нибудь по областям для посещения церквей, то должны заранее сказать своему уполномоченному, что отправляемся в поездку, и он знает, для чего мы едем. Когда приезжаем в какую-нибудь область или район, там должны сразу доложить местному уполномоченному, что прибыли. А после того, как сделаем свою работу, то, возвратившись, обязаны опять уведомить уполномоченного и доложить, что сделали работу вот так и так, результат получили вот такой. И так везде. Вас могут видеть и знать, куда вы ездите, что делаете, и на любой платформе, в любом аэропорту вас бы взяли. Вы же везде бываете, и вас никто не трогает, значит, вы работаете от КГБ.

— Вы считаете так: когда вас власть охраняет, – вы в безопасности. А если нас Бог хранит, то для этого у Него нет ни сил, ни возможности.

— Да нет, но...

Из его слов мне стало ясно, что начавшееся движение им важно любой ценой остановить, они большие мастера, умеют это сделать. А уж если оно во что-то и вырастет, то нужно взять его под своё руководство, и они опять заведут в ту же неволю, откуда с Божьей помощью Его народ был вызволен...

Потом он спросил: «А не могли бы вы написать заявление или обращение ко всем братьям, чтобы совместными усилиями сделать что-то вместе с опытными служителями ВСЕХБ, которые в своё время тоже много пережили и защищали Божье дело?»

Я ответил: «А сам наш призыв к съезду о чём говорит? Разве мы не обратились в нём ко всем, в том числе и к старым, опытным служителям? И во-вторых, после того, как мы распространили Послания, разве вы не можете подняться во весь рост и заявить, что присоединяетесь

к призыву созвать съезд и рассмотреть на нём все наболевшие вопросы? Почему вы ждёте отдельного обращения именно к старым служителям? Чтобы у них появилось оправдание перед властями, что не они инициаторы созыва съезда, а их вынуждают так поступить?

Считаю, вы сами должны бы поднять эти вопросы, потому что «Положение», «Инструктивное письмо» и вся зависимость церкви в духовных вопросах от атеистов — это крайняя степень беззакония, разделившего нас с Богом. Вам первым следовало бы видеть бедствие Божьего народа, ибо вы первые к нему причастны. Но если вы до сих пор этого не замечаете, то, вероятно, просто не призваны Богом для такого служения. Поэтому о каком обращении может идти речь?

Так прошла моя первая встреча с Винсом. Я пригласил его на совещание Оргкомитета, и в мае 1962 года он впервые присутствовал на расширенном общении братьев. Тогда он не был рукоположен и нёс служение проповедника в своей церкви (его избрали на служение благовестника в конце октября 1962 года). Полностью в работу Оргкомитета Георгий Петрович включился через два года после начала движения. Киевская церковь благословила его на этот труд в августе 1963 года. Он оставил работу на производстве и посвятил себя духовной работе в общинах нашего братства.

ОРГКОМИТЕТУ ЦЕРКВИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ

Мир Вам, дорогие братья во Христе!

1 Кор. 15, 58.

На Ваше письмо от 17 июля 1965 года извещаем Вас, что Киевская гонимая церковь евангельских христиан-баптистов в августе 1963 года добровольно отпустила благовестника нашей общины Винса Георгия Петровича на духовную работу в общинах нашего братства и в настоящее время не имеет возражений против дальнейшего его служения в составе центрального руководящего органа церкви ЕХБ — Оргкомитете. Это решение единогласно принято на членском собрании 31 июля 1965 года.

Мы постоянно молим Бога о том, чтобы Он благословил работу нашего благовестника Винса Г. П. в составе Оргкомитета, а также, чтобы Он благословил работу всех братьев Оргкомитета.

По поручению членского собрания подписали:
Пресвитера общины: Журило В. И.
Коваленко Е. Т.
Згурский М. Г.

31 июля 1965 год.
г. Киев.

ПОСЕЩЕНИЕ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ

С нашей стороны подготовка к пробуждению церкви ЕХБ велась настолько тайно, что даже чекисты хотя и могли что-то прослушать, однако не ожидали такого мощного движения, не видели в нём ничего серьёзного, не верили в его успех. Поэтому, когда дочь Моторина И. И. (председателя исполнительного органа Московской церкви ВСЕХБ) предупредила меня при встрече в молитвенном доме на Маловузовском, куда я пришёл 26 ноября 1961 года для беседы с работниками ВСЕХБ: «Брат дорогой! Не ходите туда! Принято решение: "выявить Инициативную группу с целью её ликвидации"», я понял, что она произносит фразу официального документа. Однако, хотя на высшем уровне и приняли такое решение, но ликвидацию не могли осуществить, пока не станут известны все участники Инициативной группы. Недаром говорили: «Две подписи под Посланиями — ширма. За этими людьми стоят крупные силы». Но власти глубоко заблуждались и шли по ложному пути. Движение за пробуждение церкви крепло и ширилось, а они в это время выслеживали наши маршруты, встречи, связи, пытаясь выявить «крупные силы», которые, по их мнению, руководили всем из глубокого подполья. Если бы они знали правду, что никаких «крупных сил» не существовало! В апреле 1961 года членское собрание Узловской церкви поручило нашему братскому совету начать организационную работу для восстановления всеобщего духовного дела, а собравшийся совет предложил: «Вот вы, брат Геннадий, ну и Иван Алексеевич и занимайтесь этим делом. Где нужно, мы поможем». Так избиралась Инициативная группа. С нами был ещё Павел Афансьевич Якименков, пресвитер Новомосковской церкви, но в начале августа 1961 года его арестовали и осудили на 5 лет высылки как тунеядца, так что участвовать в открытой работе Инициативной группы он не смог. Участвовали в написании Первого послания ко всей церкви ЕХБ мой родной брат Юрий и хозяин молитвенного дома Узловской церкви в Родкино Семён Давыдович Володин. А с июня 1961 года к нашей работе подключился Алексей Фёдорович Прокофьев. Вот и всё. Воистину только Господь был для нас крепостью и силой! Он один был для нас теми «крупными силами», которых тщетно искали гонители церкви.

Помню посещение Совета по делам религиозных культов 19 июня 1962 года. Туда я ходил не один, меня сопровождали братья, хотя не все они зашли со мной в здание. Разговор с Задорожным П. А., членом этого Совета, длился более часа, проходил очень напряжённо и сводился с его стороны в основном к обвинению: «Почему вы прежде, чем начать работу, не пришли и не побеседовали с нами?».

Я тогда пояснял: «Мы знаем, что, хотя вы и числитесь для простого взгляда и слуха полурелигиозной организацией, Советом по делам религиозных культов, но основное ваше назначение все-таки вести борьбу с церковью. Как же мы заранее всё вам откровенно скажем? Вот я пришёл сюда и могу не выйти...»

И второе, что их очень интересовало: «А кто ещё у вас в Оргкомитете?»

Я ответил: «Зачем? Для новых арестов? Две подписи под документами вполне достаточно. Если первые шаги покажут, что вы согласны удовлетворить наши законные требования — разрешить съезд и т. д., значит... »

Не сдерживаясь, Задорожный прервал меня: «Вам надо было сначала к нам прийти...»

Я сказал, что мы делаем так, как Бог положил нам на сердце.

В книге Г. К. Крючкова «Великое пробуждение XX века» (с. 66) приведён текст беседы в Совете по делам религиозных культов 19 июня 1962 года:

Задорожный: Почему вы не пришли и не посоветовались с нами прежде, чем начать всю эту кампанию со съездом?

Крючков: Опыт убедил нас в том, что, если кто-либо будет знать о намерении созыва Всесоюзного съезда, — это дойдёт до соответствующих органов и нам не дадут возможности ничего сделать. Инициативная группа может быть ликвидирована и дело съезда умрёт, не родившись. Дело съезда — это внутреннее дело церкви. Мы не вторгаемся в сферу государственных интересов.

Задорожный: Кто ещё входит в Инициативную группу? Почему вы в своих заявлениях не указали их фамилий? Назовите остальных членов Оргкомитета.

Крючков: Мы считаем, что двух лиц достаточно для осуществления внешнего представительства. Мы всегда знали, что, совершая своё законное дело, мы, тем не менее, в любое время, войдя к вам, можем больше не увидеть свободы и тем подвергнуть опасности дело служения. Поэтому мы и решили, что одного представителя будет юридически недостаточно, а троих или более подвергать риску не следует.

Если в наших беседах обнаружится положительное отношение к нашим ходатайствам о съезде, тогда может быть представлен и более широкий круг служителей.

Факты доказывают, что опасения наши не напрасны. Удовлетворить законные ходатайства верующих вы отказываетесь и членов Оргкомитета арестовываете. В апреле арестован А. Ф. Прокофьев — вы это знаете — и требуете списки остальных. Зачем? Разве это решает проблему?

Задорожный:	Совет по делам религиозных культов не признаёт этот Оргкомитет и никакого съезда не разрешит. Мы признаём ВСЕХБ.
Крючков:	Вы можете дать нам этот отказ в письменной форме?
Задорожный:	Зачем вам письменный отказ? Я говорю — и этого достаточно. Никакого документа мы вам не дадим.
Крючков:	Если ваш отказ обоснован законом, то почему не дать нам мотивированного письменного обоснования?
Задорожный:	Никто вам такого документа не даст.
Крючков:	Оргкомитет не может считать такой отказ в съезде — законным.

СОДЕРЖАНИЕ

20 октября 2011 г.